

СОВЕТСКИЙ НАРОД НЕ ЗАБУДЕТ И НЕ ПРОСТИТ КРОВАВЫХ ПРЕСТУП- ЛЕНИЙ БАНДЫ ФАШИСТСКИХ УБИЙЦ, ШПИОНОВ И ВРЕДИТЕЛЕЙ

Волна народного гнева и глубочайшего возмущения охватила весь советский народ, когда он узнал о чудовищных преступлениях, совершенных «право-троцкистским блоком», блоком грязных и трусливых фашистских заговорщиков, шпионов, убийц и провокаторов. Во всем своем волчьем облики предстали перед судом народа гнусные выродки, приспешники изверга Троцкого, Бухарин, Рыков, Ягода и прочие заговорщики «право-троцкистского блока».

Эта банда кровавых собак хотела отнять у советского народа все, что им было завоевано десятилетиями упорной и героической борьбы. Эти изменники родины хотели расчленить и по частям продать империалистическим захватчикам Советскую страну. В изменническом сговоре с буржуазными националистами троцкистско-бухаринские предатели подготавливали отторжение от СССР Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья на Дальнем Востоке. Действуя по планам, широко задуманным и разработанным в генеральных штабах некоторых иностранных государств, «право-троцкистский блок» фашистских убийц проводил свою шпионскую, вредительскую, диверсионную и террористическую деятельность, чтобы подорвать мощь нашей родины, вызвать военное нападение империалистических захватчиков на СССР и организовать поражение Красной армии в случае этого нападения. Они хотели вернуть рабочих и крестьян к ненавистному прошлому, поработить народы СССР, восстановить капитализм, вернуть землю помещикам, фабрики и заводы капиталистам, — такова гнусная программа троцкистско-бухаринских наймитов фашизма.

Процесс «право-троцкистского блока» открывает завесу над многими контрреволюционными преступлениями Бухарина и Троцкого, содеянными ими еще в 1918 году непосредственно вслед за Октябрьской революцией. Сорвать Брестский мир, свергнуть советское правительство, арестовать и убить Ленина, Сталина и Свердлова — таков был неслыханно чудовищный план Бухарина и Троцкого в первые же месяцы существования советской власти.

В последующие годы троцкисты и бухаринцы, оставаясь верными своим контрреволюционным целям, со звериной ненавистью пытались сорвать социалистическое строительство. Следствием установлено, что Троцкий является шпионом одной иностранной разведки с 1921 года и другой с 1926 года. Некоторые из обвиняемых были агентами и провокаторами царской охранки.

Вся подлая деятельность троцкистов-бухаринцев от начала до конца состоит из цепи чудовищных предательств и вероломства. Они покушались на мирный труд рабочих,

крестьян, интеллигенции, они покушались на счастье и радость наших детей. Они хотели сделать наш советский народ рабами капитала.

Выродки, убийцы, шпионы просчитались. Бесстрашная, зоркая советская разведка, руководимая сталинским наркомом Н. И. Ежовым, расстроила все планы, все ходы Троцкого, Бухарина, Рыкова и их капиталистических хозяев, разоблачила банду наемных фашистских убийц и шпионов.

Предать родину, убить Кирова, умертвить Горького, Менжинского, Куйбышева, продаться фашистам, замыслить убийство Ленина, Сталина, Свердлова — какое подлое извращение человеческой природы! Киров, Менжинский, Куйбышев и десятки беззаветных борцов за коммунизм — рабочих, стахановцев, красноармейцев убиты заклятыми врагами трудящихся. Враги осмелились умертвить великого русского писателя, гениального художника слова, пламенного борца за коммунизм — Алексея Максимовича Горького. Они умертвили великого писателя-гуманиста за то, что он любил трудящихся и был предан своему классу, советскому народу, которому он отдал всю свою чудесную жизнь.

Убийцы пойманы с поличным. Фашизм потерпел еще одно поражение. Раскрытие заговора «право-троцкистского блока» наносит мировому фашизму жестокое поражение.

Враги не смогли подорвать мощи советского государства. Народ, партия Ленина — Сталина построили социалистическое общество, создана счастливая, зажиточная жизнь. Благосостояние страны крепнет. Непоколебима боевая мощь Рабоче-крестьянской Красной армии и советской разведки.

Велик гнев советского народа. Беспредельна его ненависть к подлым убийцам, провокаторам и шпионам.

«Если враг не сдается, его уничтожают» — эти слова Алексея Максимовича Горького горят в наших сердцах. В социалистическом отечестве, на священной советской земле — как и среди всех честных людей мира — нет и не будет места презренным гадам, шпионам, диверсантам, тем, кто посягает на счастье и радость народа, кто покушается на свободу и независимость великой социалистической страны.

Советский суд выносит свой приговор от имени всего народа. Негодяи получают по заслугам. Весь советский народ еще теснее сплотится вокруг партии Ленина — Сталина и, беспощадно сметая с лица земли презренных выродков рода человеческого, будет продолжать свое победное продвижение вперед к светлому будущему, к коммунизму.

ЖЕНЩИНЫ НАШЕЙ СТРАНЫ

↑ Дуся Виноградова, знатная ткачиха, получившая высшую награду — орден Ленина, депутат Совета Союза.

Дусю Виноградову знает вся страна. Она получает сотни писем со всех концов СССР. Пишут ткачихи и инженеры, летчики и артисты, ученые и писатели. Одни расспрашивают Дусю об ее жизни и работе, другие — рассказывают о себе. Третьи просто хотят выразить ей свою любовь и восхищение.

— Так, как работала я, — заявила Дуся Виноградова на предвыборном собрании избирателей Георгиевского избирательного округа Орджоникидзевского края, выдвинувшем ее кандидатуру в Совет Союза, — может работать любая квалифицированная ткачиха.

Всеми своими успехами я обязана партии и правительству, создавшим мне условия для работы. Забота и чуткое отношение всей страны к моему делу вдохновляли меня и давали силы для преодоления всех трудностей.

Дусе Виноградовой всего двадцать три года. Но она уже семь лет проработала на фабрике, упорным трудом добилась звания лучшей стахановки текстильной промышленности, теперь она учится в Промышленной академии имени Молотова и скоро будет инженером.

Фото Е. Игнатович, А. Капустянского, Л. Леонидова, М. Гершмана, С. Тартаковского, И. Шагина и Союзфото

ЕСТЬ ЛИ В НАШИ ДНИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ХОТЯ БЫ ОДНА ОБЛАСТЬ ТРУДА, ТЕХНИКИ, ТВОРЧЕСТВА, ГДЕ ЖЕНЩИНА НЕ ЗАНИМАЛА БЫ СВОЕГО МЕСТА НА РАВНЕ С МУЖЧИНОЙ?

ОКтябрьская социалистическая революция и победоносное строительство социализма вывели советскую женщину на широкую, светлую дорогу полного равноправия, радостного, свободного труда, плодотворной государственной и общественно-политической деятельности. Нерушимые права женщин записаны в Великой Сталинской Конституции. Этими правами свободные советские женщины широко пользуются.

Женщины нашей страны уже не раз доказывали на деле умение самоотверженно работать на благо своей великой родины. Советский строй породил армию подлинных героинь труда — выдающихся стахановок заводов, фабрик и колхозных полей, замечательных ученых, летчиц, парашютисток, художниц, актрис. В шахтах метрополитена и в заоблачных высях, в лабораториях и на капитанских мостиках кораблей, на заводах и на колхозных полях — советские женщины творят чудеса.

«ТАКИХ ЖЕНЩИН НЕ БЫВАЛО И НЕ МОГЛО БЫТЬ В СТАРОЕ ВРЕМЯ» (СТАЛИН). ВОТ НЕСКОЛЬКО ЖЕНЩИН НАШЕЙ СТРАНЫ.

↑ Вера Игнатьевна Мухина — талантливый скульптор, автор известного всему миру художественного произведения — гигантской скульптуры «Рабочий и колхозница», установленной на здании советского павильона Международной выставки в Париже.

Полгода эта скульптурная группа доминировала над всеми павильонами выставки.

Женские лиги, примыкающие к Народному фронту, обратились с призывом ко всем женщинам Франции, чтобы «эта работа, являющаяся выдающимся произведением искусства и созданная руками советской женщины, была бы оставлена и сохранена во Франции, в Париже как символ, призывающий и вдохновляющий женщин Франции следовать примеру русских женщин, осуществивших на деле великие чаяния лучших людей человечества».

Имя советской женщины, создавшей это замечательное произведение, облетело весь мир.

Валентина Федоровна Пикина — депутат Совета Национальностей от Марийской АССР, от города Йошкар-Ола.

Дочь типографского рабочего, она в 1922 году вступила в комсомол, который вырастил ее и воспитал. Была курьером, работала на заводе, выдвинули на руководящую комсомольскую работу, стала секретарем ленинградского обкома ВЛКСМ, потом секретарем Центрального комитета комсомола.

— За двадцать лет, — сказала Валентина Пикина своим избирателям на предвыборном собрании, — выросли мы, новые люди. Мы росли вместе со страной, нас воспитывали коммунистическая партия, друг и учитель — дорогой Иосиф Виссарионович Сталин.

Кто из молодых женщин нашей великой родины вместе с Валентиной Пикиной не повторяет эти простые слова?

Валентина Гризодубова — отважная летчица, мировая рекордсменка. ↑

— Что было бы с нами, если бы не было советской власти? — сказала Валентина Гризодубова на собрании избирателей Чуйского избирательного округа Киргизии, когда была выдвинута ее кандидатура в Совет Национальностей.

— Что было бы с нами? Разве могла я стать в старое время летчицей! Моя мать была швея, отец рабочий. Мы едва-едва сводили концы с концами. Советская власть не только помогла мне стать летчицей, но и побить четыре мировых рекорда. И таких, как я, в нашей стране — тысячи. Наш рост есть показатель роста нашей страны, нашего народа.

Сотни тысяч женщин нашей изумительной страны стремятся быть похожими на Гризодубову и бортмеханика Слобоженко, стремятся, как и они, парить на самолете под облаками, побивать рекорды.

↑ Татьяна Тимофеевна Щелкунова, — колхозница артели имени Шмидта, льновод, депутат Совета Союза.

Работать она начала еще ребенком — в семь лет уже пасла скот. Летом — батрачила, а зимой пряла лен по три копейки за фунт. Детство сулило ей однообразную и безрадостную жизнь. Но, как сотням, тысячам и сотням тысяч советских женщин, социалистическая родина дала возможность Татьяне Щелкуновой сделать свою жизнь яркой и радостной.

В 1931 году она вступила в колхоз, в 1934 — получила первую премию, затем, по-стахановски работая, организовала звенья, развернула социалистическое соревнование между колхозницами и сама стала вырабатывать больше всех других — по восемьдесят пять килограммов в день.

↑ Клавдия Сахарова. Ей 19 лет и она депутат Совета Союза и директор фабрики. В 1934 году Клавдия Сахарова вступила в комсомол, весной 1935 года отличницей кончила фабзавуч, стала ткачихой, стахановкой и в первый же месяц работы выполнила план на 122 процента.

Докладывая своим избирателям об итогах Сессии Верховного Совета в клубе Родниках, Клавдия Сахарова сказала:

— Я — слуга народа и не пожалю сил для блага родины. Мне только девятнадцать лет, но своей честной работой я показала, на что способна молодежь сталинской эпохи.

Алла Константиновна Тарасова — народная артистка СССР, орденосец.

Ей удалось создать один из самых ярких и трагических образов русской женщины дореволюционного прошлого, образ Анны Карениной.

Алла Тарасова уже двадцать лет на сцене. За эти годы она сыграла много разнообразных ролей — чеховских героинь, Настю в «На дне» Максима Горького, Татьяну во «Врагах», Катерину в «Грозе». Ее яркое дарование развивалось в советское двадцатилетие Московского художественного академического театра.

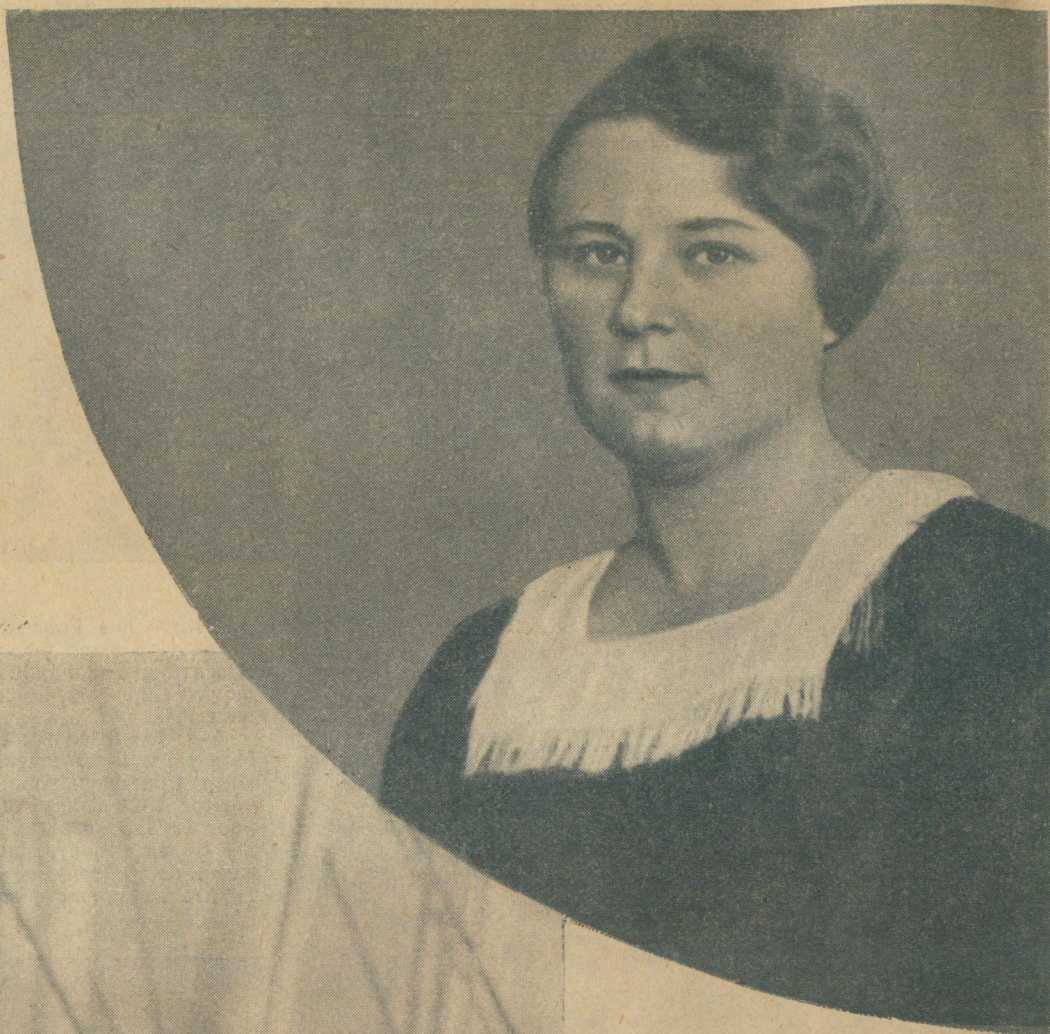
→

Анна Ивановна Щетинина — единственная в мире женщина — капитан дальнего плавания.

Дочь корабельного плотника, она семнадцати лет поступила на судоводительное отделение Владивостокского морского техникума. Прошла все ступени морской службы, начиная от матроса и кончая капитаном парохода «Чавыча».

Весной 1936 года «Чавыча» совершал рейс вдоль восточного побережья Камчатки и был затерт тяжелыми льдами. Одиннадцать суток Анна Щетинина не покидала капитанского мостика и благополучно вывела свое судно изо льдов.

Осенью 1936 года «Чавыча» с грузом рыбы попал в страшный девятибалльный шторм. Судно, люди и груз были спасены благодаря опытности, распорядительности и мужеству капитана Щетининой.

↑

Басты Багирова — депутат Совета Национальностей от Шамхорского избирательного округа.

Басты Багирова родилась в семье батрака. Пятнадцати лет Басты выдали замуж за такого же бедняка, как она сама. В 1930 году оба они вступили в колхоз. Басты Багирова собирала тогда в день пятьдесят килограммов хлопка.

Потом Басты Багирова выучилась собирать хлопок обеими руками и, повышая из года в год результаты, достигла рекорда. Теперь она может собрать в день более полутонны.

Басты Багирова — знатный человек в Азербайджане.

Она принимала участие в комиссии, разработавшей проект Сталинского колхозного устава. Была делегаткой Чрезвычайного VIII съезда советов, принявшего великую Сталинскую Конституцию.

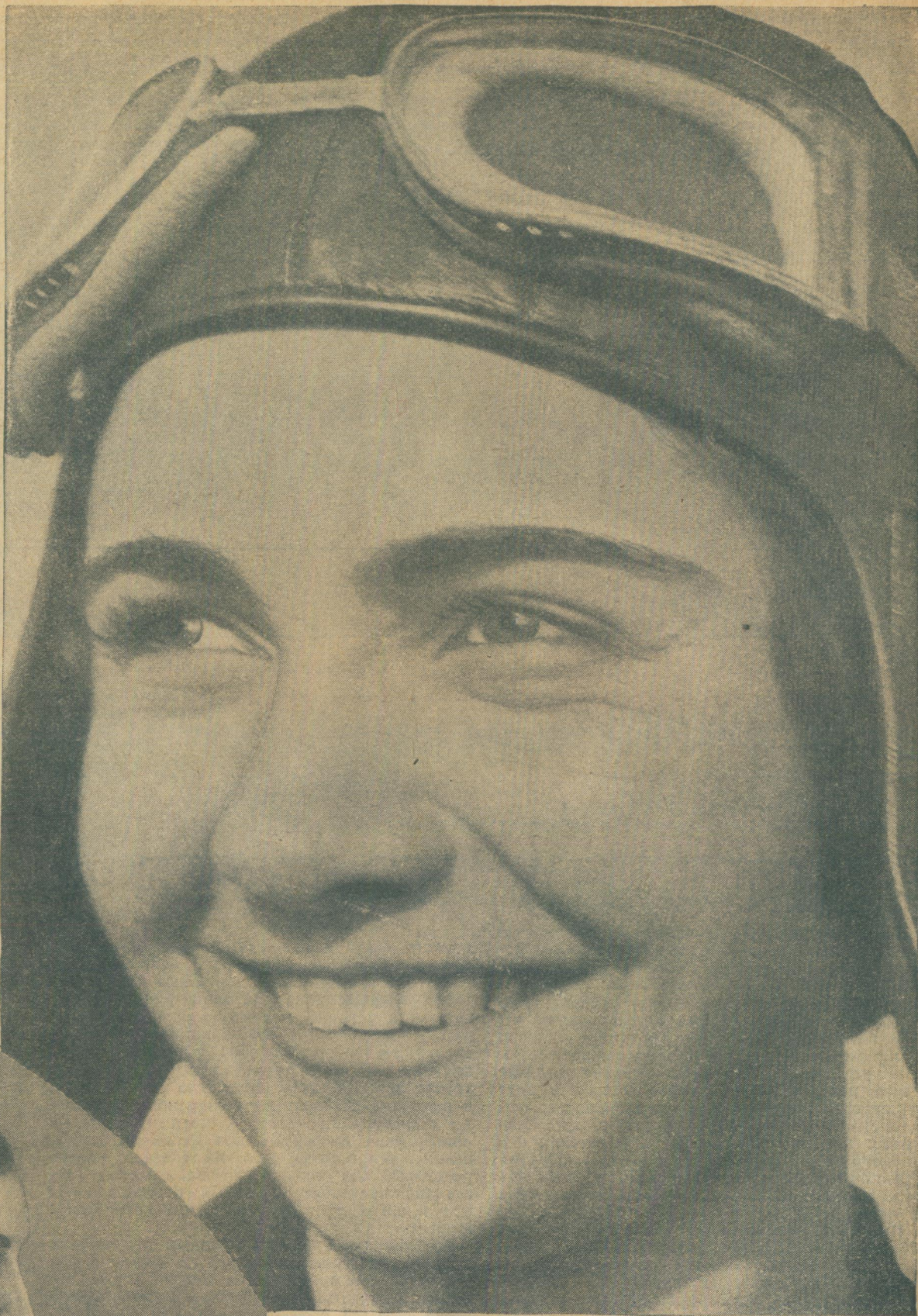

↑ Таджихон Аскарлова, батрачка, дочь бедняка—одна из знатнейших колхозниц Узбекистана, депутат Совета Союза.

Отец ее умер рано, мать была батрачкой, и Таджихон выдали замуж за батрака. Вместе с мужем она организовала товарищество по совместной обработке земли, потом превратившееся в колхоз. Первой в кишлаке она сбросила паранджу.

Таджихон Аскаровой было двадцать четыре года, когда она выучилась грамоте, стала руководить звеном и сумела получить с участка, где урожай в двадцать четыре центнера считался пределом, — пятьдесят пять центнеров хлопка с гектара. Таджихон организовала в кишлаке ясли, повела борьбу за культурное жилище.

Замечательна судьба Таджихон Аскаровой, чудесна жизнь, полная трудов и забот, таких интересных и таких нужных нашей великой социалистической родине...

↑ Командир эсена Бакинского аэроклуба пилот-орденоносец Зулейка Мамедова (Азербайджанская ССР).

← Бахты Алтыбаева, дочь рыбака, народный комиссар легкой промышленности Туркмении.

Четырнадцать лет Бахты Алтыбаеву выдали замуж. И когда в 1925 году она подала заявление о приеме в партию и была принята кандидатом ВКП(б), муж, подученный баями, избил ее. Бахты Алтыбаева ушла от мужа. Партия послала ее в Ашхабад на курсы дошкольниц, потом — в женотдел в поселок Гасан Кули.

Бахты Алтыбаева продолжала учиться, окончила вуз и стала руководить Ковросоюзом. Туркменский народ удостоил ее величайшего доверия и чести — избрал депутатом в Верховный Совет СССР.

Станция «Северный полюс»

Союз фото

И. Спири

Герой Советского Союза

ОБЕД НА ПОЛЮСЕ

Оказывается, что на Северном полюсе аппетит у людей несколько не хуже, чем в средних широтах. В истинности этого утверждения легко убедиться всякий, кто съездит туда. Что касается нас — первых поселенцев, то мы это важнейшее для науки открытие сделали сразу же после нашего прилета на полюс.

Не успели мы как следует пережить величие этого исторического момента и излить друг другу свои восторги и поздравления, как нам напомнила о себе самая обыденная житейская проза: храбрым аргонавтам, завоевателям оси земного шара самым прозаическим образом захотелось есть. Мы были голодны так, что готовы были растерзать первого попавшегося тюленя.

Вот тогда-то и предстал перед нами во всем блеске своих талантов Иван Дмитриевич Папанин. Пока мы размышляли, что бы такое поесть, он выгрузил на лед свой кухонный инструментарий, развел адский пламень ныне знаменитых «папанинских» примусов и, проделав серию таинственных манипуляций над какими-то тюбиками, пакетиками и коробочками, — приготовил обильный обед, который оказал бы честь любому столичному повару. Эта виртуозность привела нас в такое восхищение, что мы тут же наградили его званием первого в мире шефа-повара полюса.

Иван Дмитрич гордо носил свой пышный титул и несколько дней охотно кормил нас разнообразными и вкусными яствами. Но блаженство наше скоро кончилось. Прилетел Молоков, за ним Алексеев и Мазурук. Лагерь разросся, и Папанину стало нелегко одному управиться с такой, как он ворчал, «оравой». Наш титулованный повар подал в отставку. Тогда мы устроили совещание и решили перейти на децентрализованную систему питания. Отныне все должны были питаться на своих самолетах и каждый по-очереди готовить пищу для всех остальных.

Какие это были обеды! Ни в одном ресторане, ни в одном меню невозможно было бы найти блюда, похожие на те, какие мы тогда изобретали. Тут были самые фантастические сочетания супов и щей, молочной лапши и

мясного соуса и иные диковинные смеси, получившие название «сумбура в пище».

Все это изготовлялось из концентратов, которые впервые попали в наши руки, не привычные к обращению с этими новейшими премудростями современной кулинарии. Каждый экспериментировал на свой страх и риск, и поэтому нам часто приходилось есть жареным то, что испокон веков надлежало есть вареным, и наоборот. Дебюты дежурных поваров обычно кончались провалом и, хотя чудовищные измышления их кулинарной фантазии поглощались без остатка, это не спасало их от расправы. Как только исчезал со стола последний кусок, незадачливый повар попадал под такой обстрел насмешек, что хоть беги с полюса.

Все это казалось мне забавным до тех пор, пока не наступил мой черед. Я принял сообщение о своем дежурстве без большого восторга и, предвидя неизбежную развязку, всячески пытался отбиться, предлагая совершить любой полет, сделать любой труднейший астрономический расчет вместо заранее ненавистного мне дежурства. Но все было напрасно: полярные пансионеры были неумолимы.

Дежурному повару полагался подручный — «кухонный мужик». Я выбрал себе механика Петенина. Его хладнокровие и настойчивый нрав внушали мне доверие. «С ним как-нибудь вывернусь», — подумал я. То же самое, видимо, думал и он обо мне, и мы приступили к приготовлению обеда с таким видом, как будто всю жизнь только этим и занимались.

— Ну, что будем варить? — спросил я у своего подручного равнодушным голосом.

— А что хотите, — ответил он мне в тон и стал наливать в примус бензин.

— Не сварить ли нам щи?

— Вчера были.

— Тогда, может быть, борщ украинский?

— Что борщ, что щи — разница небольшая. Уж лучше суп какой-нибудь...

— А что хорошего в супе? — возразил я. — Просто вода. Его и есть никто не станет.

— Смотря какой суп и как сварить, — ответил механик и взглянул на меня так, будто

речь шла о предмете, изучению которого он посвятил всю свою жизнь.

Я заинтересовался и спросил с любопытством, как его варят, этот суп.

— Обыкновенно, — несколько не смущаясь отвечал Петенин. — Взять мяса, картофеля, луку свежего...

Когда он дошел до сметаны, я не вытерпел: — Хорошо, но одного супа мало, — спокойно прервал я его. — Тут, говорят, недалеко за торосами водятся замечательные куропатки. Ты б пошел, пострелял на второе...

Петенин озадаченно взглянул на меня и отвернулся. Затем мы оба расхохотались и принялись со вздохом изучать наши концентратные возможности. Это были все те же «борщи украинские», «щи» и «рагу», втиснутые в бумажные пакетики, коробочки и тюбики. Вдруг нам попался пакетик без этикетки. Мы встряхнули его. Там был неизвестный нам порошок розового цвета.

— Придется пойти к Папанину, — сказал заметно заинтригованный Петенин.

Но, легкий на помине, Папанин явился сам. Он как раз совершал свой обычный обход лагеря, высматривая, не найдется ли на самолетах чего-нибудь, что могло бы ему пригодиться после нашего отлета. Мы кинулись к нему с нашей находкой.

— Иван Дмитрич, что это за зелье такое? — начал Петенин.

— Сам ты зелье, — обиделся Папанин. — Это куриный порошок, замечательная штука. Его приготовили в Институте питания по моему специальному заданию. Из такой банки можно сделать...

И, дорвавшись до любимой темы, Папанин начал вдохновенно вычислять сколько калорий и настоящих живых кур может заменить эта банка и какие замечательные блюда можно из нее состряпать. Например, куриные котлеты...

Куриные котлеты? Мы загорелись.

— Вот это да! — закричал Петенин. — Это вам не борщ украинский. Всех перекроем!

И наспех расспросив Папанина о способе приготовления этого впервые обнаруженного на полюсе деликатесса, мы бодро принялись за дело.

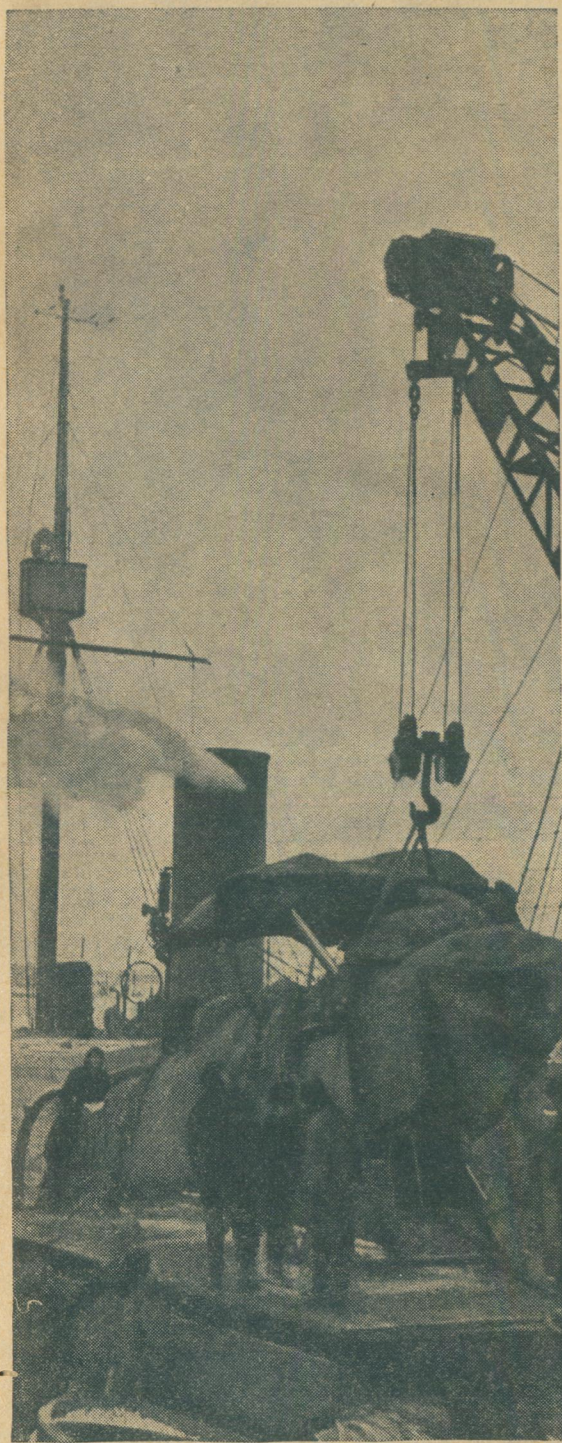
Ответственный процесс смешения порошка с водой взял на себя Петенин. Он священнодействовал при этом с таким видом, как будто ожидал получить из этой смеси по крайней мере сплав золота с серебром. «Разделку» фарша он доверил мне. Я благополучно справился с этой сложной задачей, и вскоре плоды нашего творчества весело шипели на огромной сковородке в виде аппетитных куриных котлет.

Но любоваться этим зрелищем пришлось не-

долго. Наши котлеты повели себя крайне таинственно. Они вдруг разбухли, расплозились и, слившись воедино, превратились в странную жидкую кашу. Мы в ужасе смотрели на эту метаморфозу.

— Тут что-то не так, — наконец очнулся я и испытующе посмотрел на явно растерявшегося Петенина. Он молча изучал последствия катастрофы, глубокомысленно ковыряя содержимое сковороды ножом.

— Ну, что там, — прервал я это философское занятие. — Забыл чего-нибудь положить?

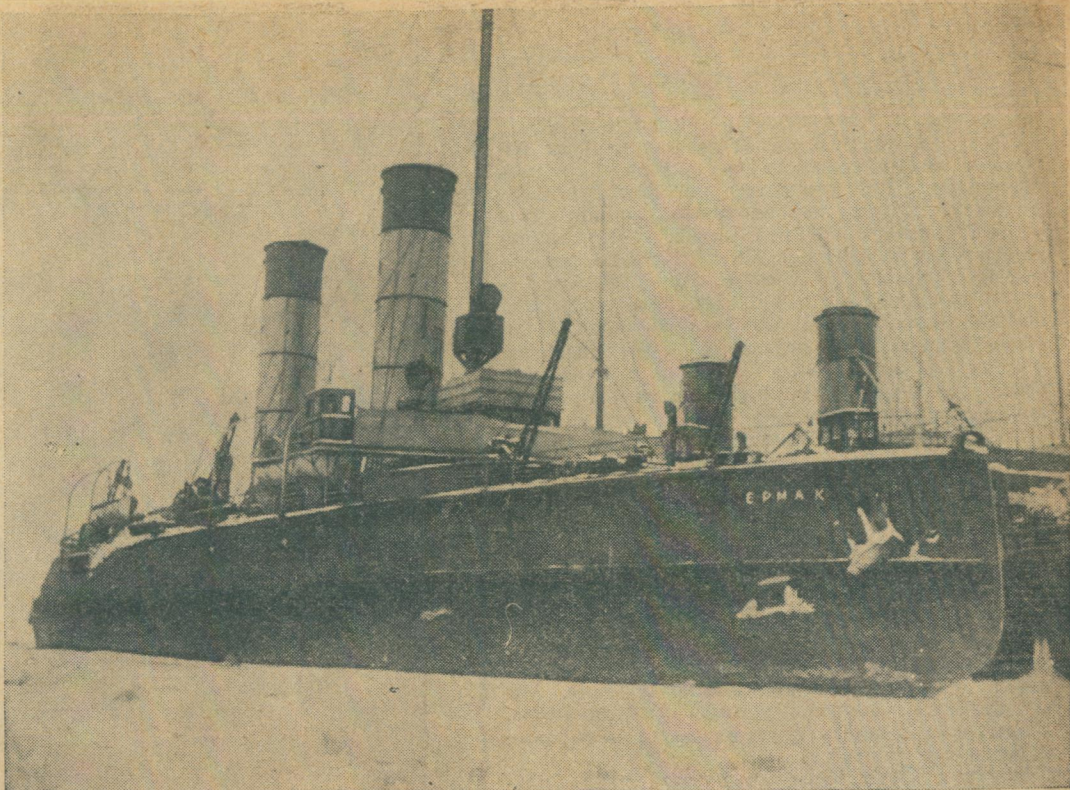

Погрузка самолета на ледокольный пароход «Таймыр»

Фото Я. Халипа (Союзфото)

— Сухари, — мрачно буркнул он в ответ. — Я забыл про сухари.

Сухарей у нас не было. Пришлось натолочь их из галетов. Мы уселись друг против друга и принялись очень усердно колотить молотком по галетам, проклиная про себя ту несчастную минуту, когда нам взбрело на ум связаться с злополучными котлетами. Наконец сухари были готовы. Теперь обнаружилось, что ни я, ни Петенин не знаем, что собственно надлежит с ними делать. Мы рассудили, что правильной всего будет всыпать их в останки погибших котлет. Расчет оказался верным: мясная каша загустела, но... Новые котлеты развалились на сковороде еще быстрее прежних.

Ледокол «Ермак»

Союзфото

Дело принимало угрожающий оборот. Время обеда приближалось, а мы беспомощно созерцали бешено kloкотавшее котлетное месиво, кляня капризы кулинарного искусства, перед которым даже тайны черной магии казались простыми и понятными, как азбука.

За этим занятием застал нас «сам» Бабушкин, прославившийся в экспедиции как единственный достойный конкурент Папанина по части кухонных дел. Он брезгливо заглянул в сковородку и, выдержав томительную паузу, уничтожающе произнес:

— Учиться надо, молодые люди. Котлеты надо раньше обваливать в сухарях, а потом уж жарить...

И, как доктор, которому не заплатили за визит, он удалился, не произнеся больше ни одного слова.

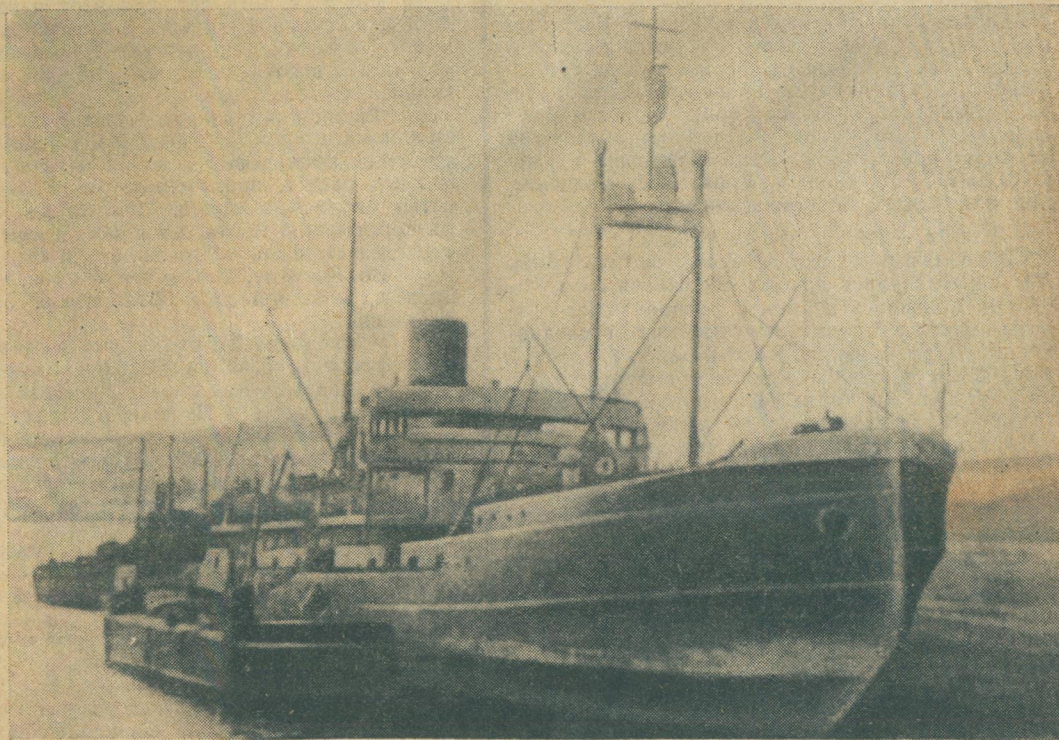
Мы снова, в третий раз, принялись за уже ненавистные нам котлеты. На этот раз мы погрузили их на сковородку с твердым на-

мерением вышвырнуть вон в случае неудачи. Но «старик» Бабушкин оказался прав. Критический срок истек, а котлеты прочно держались на сковороде, аккуратные и массивные, словно выпиленные из дерева.

Мы были спасены и, облегченно вздохнув, с наслаждением закурили поодаль от примуса.

Вдруг мой подручный застыл с недотянутой до рта папиросой, затем отчаянно выругался и опрометью кинулся к примусу. Злосчастные котлеты не жарились. Примус потух. В нем выгорел весь бензин.

Онемев от бешенства, мы молниеносно ликвидировали новую аварию, налили примус до краев и накачали так, что чуть не вывернули шомпол. Теперь остывшие были котлеты выкинули новый вольт и начали отчаянно дымиться и трещать, грозя превратиться на наших глазах в уголь. Я кинулся убавлять огонь, сняв сковородку и поставив ее рядом с примусом, повернул краник и... едва успел отпря-

Ледокол «Мурман»

Фото И. Марголина (Союзфото)

нуть в сторону: из переполненного резервуара фонтаном брызнул бензин и окатил все котлеты.

— Ну вот,—произнес страшным голосом Петенин.

Я только махнул рукой..

Наступил обед. В «кают-компани» (так называли мы пассажирскую кабину самолета, игравшую роль столовой) на двух теснах, положенных на перевернутые ящики, был «сервирован» обеденный стол. Проголодавшиеся Шмидт, Шевелев, Водопьянов и остальные жители «Н-170» с шумом заняли свои места и принялись за икру, консервы, рыбу. Ели быстро. Страшный момент приближался. Надо было решать: либо сознаться во всех злоключениях, либо подавать котлеты с бензином. Пока все ели, мы не переставали спорить и совещаться на «кухне».

— Да что ты волнуешься, не понимаю,—убеждал меня злодейским шопотом Петенин.—Водопьянов как-то целую кружку чистого бензина выпил, и то ничего. Бензин вещь безвредная...

— Эй, повара!—прервали нас крики из «столовой».—Темпы! Не видим обеда!

Петенин махнул на меня рукой, схватил скотороду и с невозмутимым видом понес к столу. Появление котлет вызвало бурю восторга. Все вскочили с мест и разразились удивленными возгласами и криками одобрения. Мы с Петениным скромно уселись у края стола, стараясь не глядеть друг на друга и готовые к близкому скандалу.

Наконец Отто Юльевич первый взял большую земляного цвета котлетину. Он надкусил ее, пожевал с задумчивым видом и, галантно кланяясь в нашу сторону, воскликнул:

— Браво, совсем как в лучших ресторанах!

Вслед за ним за котлетами потянулись и остальные. Я ровно ничего не понимал. Чорт знает что! Я еще никогда не видел, чтоб еда исчезала с такой быстротой. Кают-компания расхватывала котлеты и поглощала их с такой жадностью и наслаждением, что просто завидно делалось.

— Отчего ты не ешь?—обратился вдруг ко мне Водопьянов, заметив мое странное поведение.

— Спасибо, что-то не хочется,—невнятно пробормотал я и, быстро отвернувшись, оживленно заговорил с Шевелевым. Но Михаил Васильевич не унимался и продолжал кричать через весь стол.

— Ты это благородство брось, а то ведь все съедим.

— Верно, что вы не едите?—подхватил еще кто-то, приставая на этот раз к Петенину.

— Да мы уж раньше поели. Штук десять наверх стели, пока жарили,—беспомощно отбивался мой подручный.

Я готов был убить его взглядом. Растерявшись, он продолжал нести какую-то чепуху и выдавал нас с головой. Уже кое-кто за столом начал подозрительно переглядываться, зашептались... И крах наступил. На сковороде оставалось две котлеты. Один из обедавших встал и решительным жестом положил их передо мной и Петениным. Воцарилось молчание. Мы к котлетам не прикасались.

— Ешьте,—сказал кто-то грозно.

Сопротивляться дальше было бессмысленно. Мы переглянулись и, едва сдерживая смех, отчаянно вонзились зубами в распроклятые котлеты, заранее предвкушая противный сладковатый запах бензина. Кают-компания не сводила с нас глаз. Мы жевали и смотрели друг на друга во все глаза. Что за чудо? Котлеты были чудесные и ничем не пахли. Проглотив последний кусок, я уставился на Петенина.

— Ну?—только сумел произнести я.

— Выдохлись,—мрачно ответил Петенин.—Совершенно выдохлись. Зря только мы не ели. Такая досада...

И мы рассказали все.

Долго еще хохотала вся честная компания над нашей трагической историей. А мы сидели голодные, мрачно размышляя об удивительном свойстве авиационного бензина бесплодно улетучиваться из куриных котлет, сыгравших с нами такую каверзную штуку...

Обработала по записи в дневнике
СИМОНА ШУЛЬМАН

Эрнст Тельман. Неопубликованный снимок

Фото П. Оцуп

МЫ ПОМНИМ О ТЕЛЬМАНЕ!

Вот уже пять лет, как этот человек находится в фашистской тюрьме. Пять лет следователи, судьи и лидеры фашистской партии будто бы занимаются изучением «дела Тельмана». Что же они изучают?—Жизнь Тельмана в течение больше чем десяти лет до его ареста протекала на виду не только у всей Германии, но и всего мира. Ее не трудно проследить день за днем.

Фашистским следователям и судьям нечего изучать. Да они этого и не делают. Они еще помнят урок, который им дал Димитров... Он громил и унижал фашистских государственных прокуроров и судей и одержал над ними победу, после того как смелость и мудрый расчет, проявленные им в этой борьбе, пробудили внимание и сердечное участие сотен миллионов людей. Ибо не только рабочие, которым Димитров был дорог, как часть их собственной плоти, но и все, в ком еще не угасли чувства справедливости и человечности, свидетельствовали в его защиту и боролись за него.

Вот почему, помня этот урок, искушенные во всевозможных преступлениях, провокациях и дичинной лжи, фашистские бандиты не могут решиться на открытый разбор дела Тельмана.

У товарища Тельмана есть защитники во всем мире. Еще задолго до того как Народный фронт в Испании восторжествовал над реакцией, на скалистых испанских горах появились громадные буквы: «Да здравствует Тельман!» «Свободу Тельману!». Этот клич бросали рабочие в Москве и Париже, в Шанхае, Лондоне и Нью-Йорке. Тельман—это друг, соратник и брат рабочих. Но и интеллигенция всего мира, профессора, художники и писатели уже в течение многих лет забрасывают фашистских вождей требованиями свободы Тельману. Многие из этих людей не разделяют политических убеждений коммуниста Тельмана, но они видят в этом человеке борца за мир, прогресс и свободу. Они видят в нем честного, целиком преданного своему делу человека.

Фашисты боятся открытого судебного процесса, боятся публичного выступления Тельмана, этого несокрушимого борца, чья ненависть к врагам рабочего класса, свободы, мира и прогресса осталась твердой и неугасимой. Они боятся, что суд над Тельманом может обернуться против них самих и что в конечном счете,—каков бы ни был вынесенный Тельману приговор,—осужденными перед всем миром и особенно перед германским народом окажутся сами судьи.

А поэтому они выжидают. Все предпринятые ими до сих пор попытки сломить стойкость товарища Тельмана оказались безрезультатными. Они приложили для этого немало усилий. Они подвергали Тельмана пыткам и пытаются его и теперь посредством строжайшей изоляции от внешнего мира.

Сочувствие и любовь трудящихся масс всего мира окружают пленника и мученика фашистских изуверов—товарища Эрнста Тельмана.

ФИЛИПП ДЕНГЕЛЬ

ПОСЛАНЦЫ ВЕЛИКОГО СОВЕТСКОГО НАРОДА— ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Продолжение. См. № 36 «Огонька»
за 1937 год и №№ 1, 2, 3 и 4/5 за 1938
год начало серии портретов депута-
тов Верховного Совета СССР

Емельян Ярославский—де-
путат Совета Союза от
Омского городского из-
бирательного округа (Ом-
ская область)

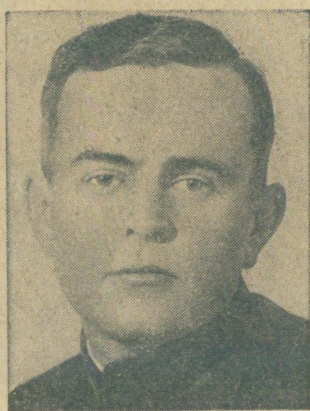
Алексей Григорьевич Ста-
ханов — депутат Совета
Союза от Ворошиловско-
го избирательного округа
(Донецкая область)

Петр Андреевич Тюркин—
депутат Совета Нацио-
нальностей от Ленинград-
ского сельского избира-
тельного округа (РСФСР)

Евгений Денисович Чвя-
лев—депутат Совета Сою-
за от Белебеевского изби-
рательного округа (Баш-
кирская АССР)

Петр Петрович Ширшов—
депутат Совета Союза от
Кировского избирательно-
го округа (Днепропетров-
ская область)

Евгений Константинович
Федоров—депутат Совета
Национальностей от Нау-
катского избирательного
округа (Киргизская ССР)

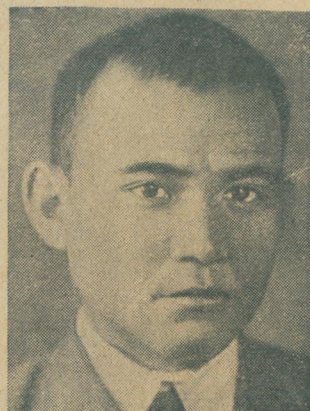
Валентина Степановна
Гризодубова—депутат Со-
вета Национальностей от
Чуйского избирательного
округа (Киргизская ССР)

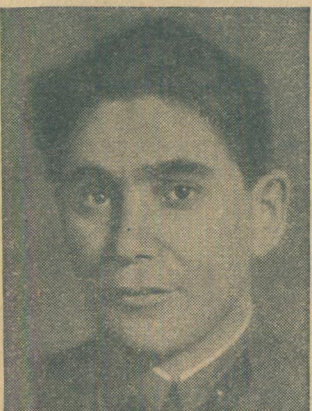
Соломон Абрамович Ло-
зовский—депутат Совета
Национальностей от Мо-
лотовского избир. округа
(Киргизская ССР)

Хисмат Ахмедова — депу-
тат Совета Национально-
стей от Джизакского из-
бирательного округа (Уз-
бекская ССР)

Жаксимбет Утепберенов—
депутат Совета Союза от
Таласского избирательно-
го округа (Казахская
ССР)

Пинхус Шоломович Си-
мановский—депутат Со-
вета Союза от Ливенского
избирательного округа
(Орловская область)

Петр Васильевич Соля-
ков—депутат Совета Сою-
за от Кемского избира-
тельного округа (Карель-
ская АССР)

Михаил Иванович Ры-
жов — депутат Совета На-
циональностей от Добрин-
ского избир. округа (АССР
Немцев Позволжья)

Пулат Бобокаланов — де-
путат Совета Националь-
ностей от Ленинабадского
сельского избирательного
округа (Таджикская ССР)

Владимир Константинович
Коккинаки—депутат Со-
вета Союза от Керченско-
го избирательного округа
(Крымская АССР)

Минна Карловна Таппо —
депутат Совета Союза от
Псковского сельского из-
бирательного округа (Ле-
нинградская область)

Федор Илларионович Ко-
лосов—депутат Совета
Союза от Бузулукского
избирательного округа
(Оренбургская область)

Николай Иосифович Ан-
тонов — депутат Совета
Национальностей от Наль-
чикского сел. избир. окр.
(Кабард.-Балкарская АССР)

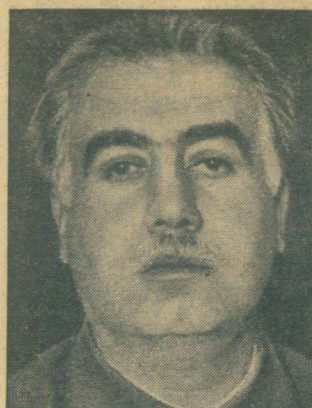
Рахат Кадырова—депутат Совета Национальностей от Наманганского сельского избирательного округа (Узбекская ССР)

Степан Павлович Супрун—депутат Совета Союза от Севастопольского избирательного округа (Крымская АССР)

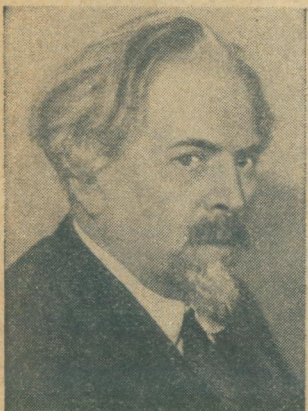
Иван Афанасьевич Чуканов—депутат Совета Союза от Тамбовского избирательного округа (Тамбовская область)

Арам Ваградович Арутюнян—депутат Совета Национальностей от Горисского избирательного округа (Армянская ССР)

Иван Иванович Маслеников—депутат Совета Союза от Могилевского избирательного округа (Белорусская ССР)

Виктор Александрович Веснин—депутат Совета Национальностей от Октябрьского избирательного округа (Кабардино-Балкарская АССР)

Агафья Петровна Петконова—депутат Совета Национальностей от Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа

Владимир Иванович Кабанов—депутат Совета Союза от Железнодорожного избирательного округа г. Москвы

Галим Шамсутдинович Шамсутдинов—депутат Совета Национальностей от Зелено-Дольского избирательного округа (Татарская АССР)

Владимир Федорович Далингер—депутат Совета Союза от Краснокутского избирательного округа (АССР Немцев Поволжья)

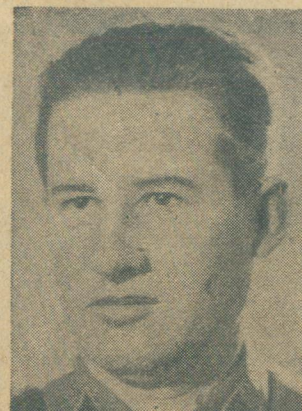
Михаил Федорович Болдырев—депутат Совета Национальностей от Краснодарского избирательного округа (РСФСР)

Мылхо Цимирзаевич Цораев—депутат Совета Национальностей от Архонского избир. округа (Северо-Осетинская АССР)

Баян Нуризяновна Нуризянова—депутат Совета Национальностей от Кукморского избирательного округа (Татарская АССР)

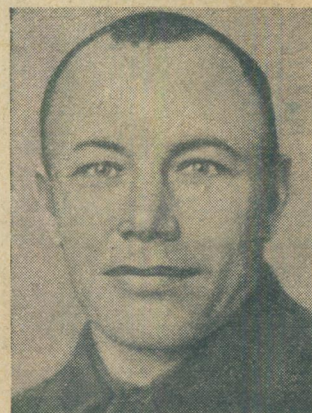
Николай Викторович Краковский—депутат Совета Национальностей от Саранского гор. избир. округа (Мордовская АССР)

Александр Иванович Спиридонов—депутат Совета Национальностей от Кемского избирательного округа (Карельская АССР)

Мирзоахмет Халматов—депутат Совета Национальностей от Ура-Тюбинского избирательного округа (Таджикская ССР)

Иван Афанасьевич Мური—депутат Совета Союза от Проскуровского сел. избир. округа (Каменец-Подольская область)

Алексей Александрович Кузнецов—депутат Совета Союза от Волховского избирательного округа (Ленинградская область)

Бася Ароновна Торбина—депутат Совета Союза от Новосибирского-Тогучинского избир. округа (Новосибирская область)

Василий Алексеевич Хомутников—депутат Совета Национальностей от Садовского избирательного округа (Калмыцкая АССР)

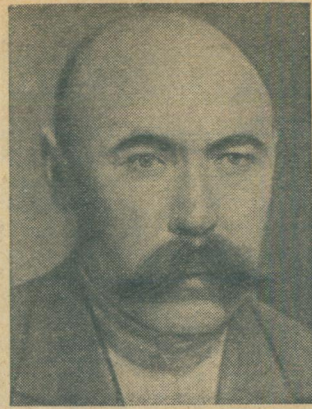
Ля Янкелевна Лишнянская — депутат Совета Национальностей от Сталинского избир. округа (Еврейская авт. область)

Григорий Петрович Раков — депутат Совета Союза от Орского избирательного округа (Оренбургская область)

Иван Павлович Лысенко — депутат Совета Национальностей от Балтского избирательного округа (Молдавская АССР)

Нургали Гизетович Фаткулов — депутат Совета Национальностей от Алдан-Олекминского избир. округа (Якутская АССР)

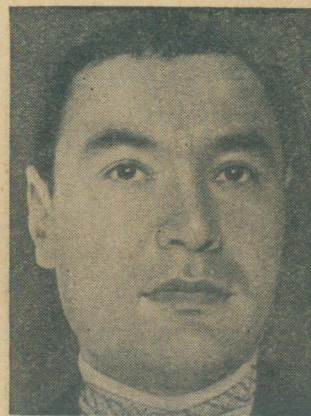
Арчил Семенович Майсурадзе — депутат Совета Национальностей от Шухевского избирательного округа (Аджарская АССР)

Георгий Михайлович Стацевич — депутат Совета Союза от Хабаровского избирательного округа (Дальне-Восточный край)

Александр Григорьевич Вологин — депутат Совета Национальностей от Смиловичского избир. округа (Еврейская авт. область)

Риза Халилович Велибеков — депутат Совета Национальностей от Вединского избирательного округа (Армянская ССР)

Евдокия Егоровна Борисова — депутат Совета Союза от Раненбургского избирательного округа (Рязанская область)

Даниил Тимофеевич Степанов — депутат Совета Союза от Первомайского избирательного округа (Одесская область)

Павел Петрович Стрелянов — депутат Совета Национальностей от Шахристанского избирательного округа (Таджикская ССР)

Александр Михайлович Алемасов — депутат Совета Союза от Казанского городского избир. округа (Татарская АССР)

Анаопа Надырбабаева — депутат Совета Национальностей от Наусского избирательного округа (Таджикская ССР)

Николай Федорович Лобов — депутат Совета Союза от Барабинского избирательного округа (Новосибирская область)

Холид Батокович Хагуров — депутат Совета Национальностей от Терского избир. округа (Кабардино-Балкарская АССР)

Александр Сидорович Ежов — депутат Совета Союза от Буденновского избирательного округа (Орджоникидзевский край)

Серафим Яковлевич Богачев — депутат Совета Национальностей от Туркмен-Калинского избир. округа (Туркменская ССР)

Иван Павлович Ларионов — депутат Совета Союза от Рузаевского избирательного округа (Мордовская АССР)

Александр Гаврилович Габышев — депутат Совета Национальностей от Сунтарского избирательного округа (Якутская АССР)

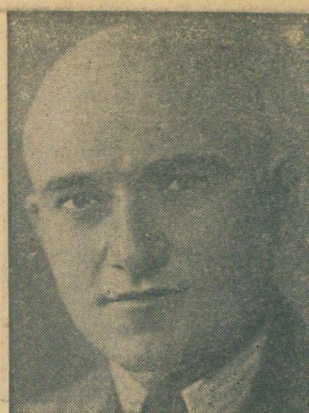
Евдокия Семеновна Рочева — депутат Совета Национальностей от Усть-Усинского избирательного округа (Коми АССР)

Павел Васильевич Чистов — депутат Совета Союза от Курганского избирательного округа (Челябинская область)

Мальджи Лиджиевич Гариев — депутат Совета Национальностей от Шебеновского избирательного округа (Калмыцкая АССР)

Илья Соломонович Хугаев — депутат Совета Национальностей от Затеречного избир. округа (Северо-Осетинская АССР)

Михаил Алексеевич Бурмистенко — депутат Совета Национальностей от Майкопского сел. избир. округа (Адыгейская авт. обл.)

Николай Иванович Щучкин — депутат Совета Союза от Симферопольского-Новгородского избир. округа (Крымская АССР)

Али Керим оглы Маметов — депутат Совета Национальностей от Баш-Норашенского избирательного округа (Нахичеванская АССР)

Иван Тимофеевич Фурманов — депутат Совета Союза от Аткарского избирательного округа (Саратовская область)

Александр Георгиевич Мачавариани — депутат Совета Национальностей от Чаквинского избирательного округа (Адjarская АССР)

Райхани Фатхулиновна Муслюмова — депутат Совета Национальностей от Янаульского избирательного округа (Башкирская АССР)

Федор Гаврилович Ковалев — депутат Совета Союза от Наманганского городского избирательного округа (Узбекская ССР)

Гдалий Исаакович Пинхасик — депутат Совета Союза от Карагандинского избирательного округа (Казахская ССР)

Анна Федоровна Кирюшина — депутат Совета Союза от Называевского избирательного округа (Омская область)

Тихон Антонович Констамтинов — депутат Совета Национальностей от Слободзейского избир. округа (Молдавская АССР)

Владимир Георгиевич Деканозов — депутат Совета Национальностей от Ахалцхского избирательного округа (Грузинская ССР)

Леон Исаевич Мирзоян — депутат Совета Союза от Алма-Атинского городского избирательного округа (Казахская ССР)

Александр Тимофеевич Лучинин — депутат Совета Союза от Лысковского избирательного округа (Горьковская область)

Соломон Николаевич Абаев — депутат Совета Национальностей от Правобережного избир. округа (Северо-Осетинская АССР)

Андрей Антонович Ермоленко — депутат Совета Союза от Ачинского избир. округа (Красноярский край)

Ульяна Николаевна Бондаренко — депутат Совета Союза от Ахтырского избирательного округа (Харьковская область)

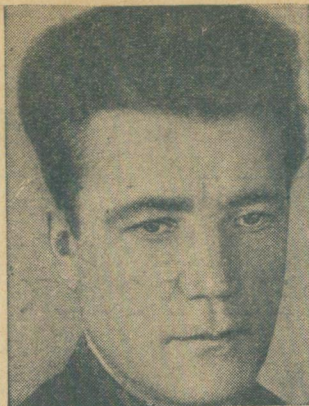
Михаил Тимофеевич Финогенов — депутат Совета Национальностей от Гомельского гор. избирательного округа (БССР)

Георгий Николаевич Ба-
жулин — депутат Совета
Национальностей от Гарм-
ского избирательного ок-
руга (Таджикская ССР)

Софья Мефодьевна Лоба-
сова — депутат Совета Сою-
за от Ярцевского избира-
тельного округа (Смолен-
ская область)

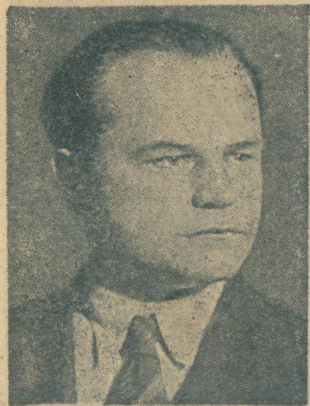
Александр Тарасович За-
ликин — депутат Совета
Союза от Стерлитамакско-
го избирательного округа
(Башкирская АССР)

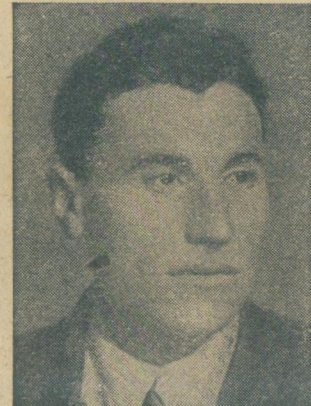
Николай Александрович
Воротников — депутат Со-
вета Национальностей от
Воронежского избиратель-
ного округа (РСФСР)

Георгий Ермолаевич
Стрешный — депутат Со-
вета Национальностей от
Ананьевского избир. ок-
руга (Молдавская АССР)

Александр Васильевич Ро-
манов — депутат Совета
Союза от Сретенского из-
бирательного округа (Чи-
тинская область)

Вениамин Михайлович
Алексанян — депутат Совета
Национальностей от Ва-
гаршапатского избир. ок-
руга (Армянская ССР)

Асламбек Кильшикоевич
Челохсаев — депутат Со-
вета Национальностей от
Ирафского избир. округа
(Северо-Осетинская АССР)

Шамсинури Хабибрахма-
новна Хабибрахманова —
депутат Совета Союза от
Кукморского избир. ок-
руга (Татарская АССР)

Василий Яковлевич Эгна-
ташвили — депутат Со-
вета Национальностей от Го-
рийского избирательного
округа (Грузинская ССР)

Денис Селиверстович
Юдин — депутат Совета
Союза от Хоперского из-
бирательного округа (Ста-
линградская область)

Этери Николаевна Мазан-
ашвили — депутат Совета
Союза от Тбилисского —
Кировского избир. округа
(Грузинская ССР)

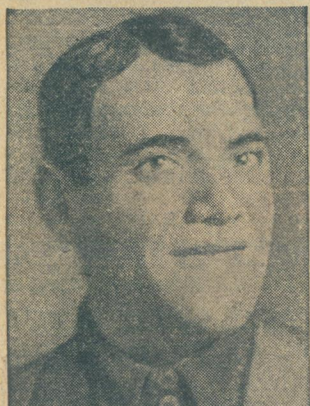
Минас Нерсесович Огане-
сян — депутат Совета На-
циональностей от Амасий-
ского избирательного ок-
руга (Армянская ССР)

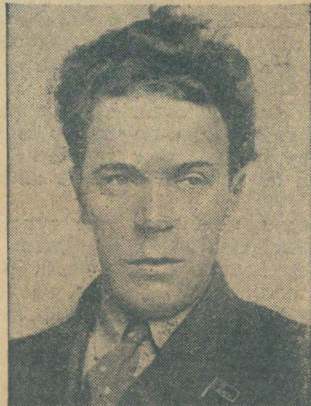
Владимир Еремеевич Са-
ладзе — депутат Совета
Национальностей от Зе-
стафонского избир. округа
(Грузинская ССР)

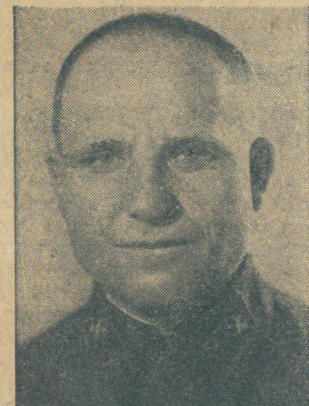
Левон Григорьевич Осе-
пян — депутат Совета На-
циональностей от Ереван-
ского сельского избир.
округа (Армянская ССР)

Цатур Алекович Цату-
рян — депутат Совета На-
циональностей от Лени-
нканского сельского избир.
округа (Армянская ССР)

Иван Федорович Гуси-
нин — депутат Совета Сою-
за от Торопецкого изби-
рательного округа (Кали-
нинская область)

Иосиф Михайлович Яци-
на — депутат Совета Сою-
за от Полтавского город-
ского избирательного ок-
руга (Полтавская область)

Арусyak Аветовна Хачикян-
Аликян — депутат Совета
Национальностей от Ере-
ванского пригородного из-
бир. окр. (Армянская ССР)

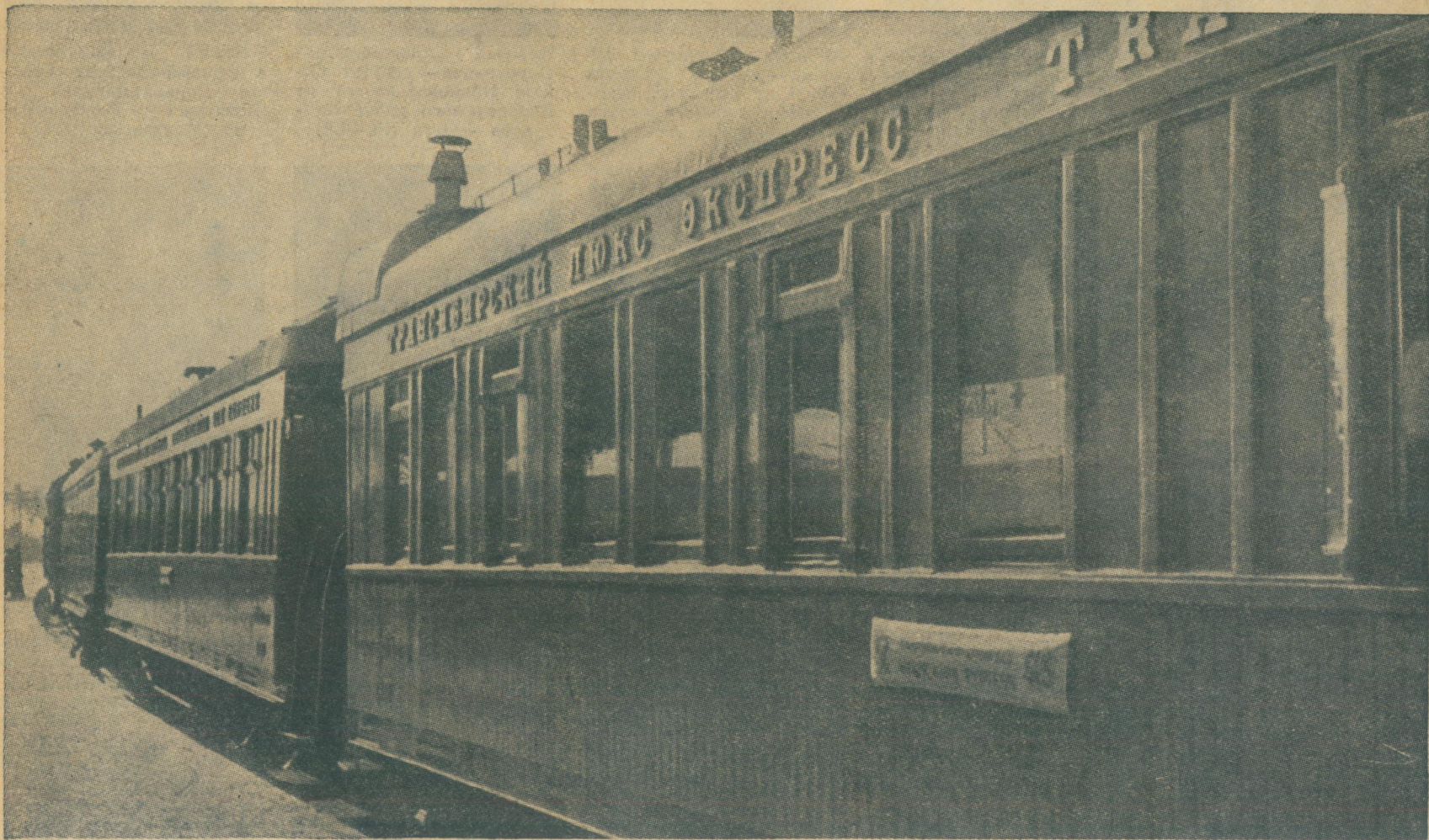

Хасан Артыков — депутат
Совета Национальностей
от Кизыл-Арватского из-
бирательного округа
(Туркменская ССР)

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Фото Б. Фишмана, Евг. Петрова и Ю. Амурского

1. ХАБАРОВСК

1

С настоящими доподлинными дальневосточными, так сказать, старыми дальневосточными медведями, путешественник знакомится через несколько минут после выезда из Москвы. Дальневосточный экспресс еще не проехал Клязьмы, а сосед по купе уже спрашивает, далеко ли вы едете, и узнав, что на Дальний Восток, радостно улыбается. Затем он узнает, что едете вы в эти края впервые, и улыбка его становится еще более радостной.

Люди в нашей стране любят поговорить.

— Надолго в наши края? — спрашивает сосед.

— Месяцев на пять.

— На такой короткий срок!

— Почему же короткий? Пять месяцев — это очень много.

— Только не для Дальнего Востока, дорогой товарищ. Вы бы к нам годика на два, на три! А то — пять месяцев! Нет, нет, за это время вы ровно ничего не увидите.

Далее ваш сосед сообщает, что Дальневосточный край по своим размерам превышает Францию, Германию и Польшу, если их, понимаете, соединить вместе. Это, не считая Румынии, Бельгии, Австрии и Лимитрофов. Потом, почти не сделав перерыва, начинает рассказывать, как он охотился на медведя. Это было ужасно. Медведь шел прямо на него. Он выстрелил. Промаш. Он выстрелил второй раз. Опять промах. Он выстрелил третий раз. Осечка. «Ну, думаю, конец»...

В это время, услышав громкие голоса, из соседнего купе появляется довольно полный мужчина в форме полковника и в туфлях. Первый оратор сконфуженно замолкает.

— Далеколько изволите ехать? — спрашивает полковник, потирая руки. — Как? На самый на Дальний? Пр-р-равильно. И надолго ли, если не секрет? Как! Всего на пять месяцев? Ну-у! Никакого Дальнего Востока вы и не увидите. Вот лет на пять, на шесть — это я понимаю. Ведь это целая страна и какая страна! Возьмите Италию, Германию, Францию, Турцию, Финляндию, Испанию, соедините их вместе, да прибавьте к ним Югославию и Болгарию и вы получите...

Путешествие становится интересным с первого же часа. К полковнику в туфлях и охотнику на медведей, который при более близком знакомстве оказывается мирным ответработником из Крайзу, присоединяется еще десяток новых знакомых. Составляются партии в пре-

феранс, определяются любители шахмат, обнаруживается певица, инженер из Комсомольска, горняк с Колымы, обладатель нового ядовито-синего граммофона с неслыханным набором пластинок (двадцать штук одного Утесова!), выясняется, что пассажиры — интереснейшие и приятнейшие люди и уже с сожалением думаешь о том, что путешествие в поезде продлится всего девять суток.

Действительно. Время проходит незаметно. И главным образом в разговорах.

Недалеко от Свердловска узнаешь массу интереснейших подробностей о ловле китов и кашалотов у берегов Чукотки. Примерно, в районе Новосибирска становишься великим знатоком истории города Комсомольска. Огибая Байкал, слышишь в двадцатый раз соображения по поводу целебности великого корня Жень-Шень. И к тому времени, когда экспресс глубокой ночью, тяжело дыша и рассыпая искры, медленно проходит через амурский мост и уже видны огни Хабаровска, — путешественник бывает так начинен различными дальневосточными историями, что хоть садись во встречный экспресс, поезжай обратно в Москву и, не теряя драгоценного времени, садись сочинять большой роман из дальневосточной жизни в трех частях с прологом и эпилогом.

Но лихорадка прибытия уже трясет пассажира. Боже ты мой! Какое расстояние! В Москве еще день. А здесь ночь. И темноватый провинциальный вокзал с обычными российскими носильщиками. И обыкновенный станционный колокол, на котором дрожит отблеск бледно светящейся вывески «Ход в буфет». И сырой дебаркадер (вероятно, днем шел дождь).

Собственно говоря, Хабаровск — наименее интересное место на Дальнем Востоке. Еще в поезде узнаешь анекдот о том, что в Хабаровске три горы, три улицы и тридцать тысяч портфелей. Все это истинная правда. Город расположен на трех холмах, на которых проложены три большие замощенные улицы. Соединены они тоже улицами, но уж никак не городского типа. Скорее это деревенские улицы, карабкающиеся с горы на гору, с деревенскими домами без канализации и водопровода. В дождь там отчаяннейшая грязь, так что автомобили, которых в последнее время развелось в Хабаровске довольно много, курсируют главным образом по трем магистралям.

Главная из этих трех — улица Карла Маркса. Это — красивая, очень широкая улица, почти целиком состоящая из новых домов, архитектура которых представляет собою, как любят выражаться некоторые искусствоведы, — ценный памятник времен борьбы голого формализма с голым классицизмом. К сожалению, преобладают образцы времен «раннего» голого формализма, с облупившейся штукатуркой. И только кое-где появляются в одиночку и небольшими скромными группами произведенные наспех древнегреческие колонны.

Но время берет свое. И уже есть немало строящихся домов, которые радуют глаз путешественника. Это дома вполне достойного стиля — солидные и в то же время простые, они могут украсить любой столичный город. Что касается портфелей, то и в этом отношении анекдот близок к истине. Портфельеносцы если и не составляют большую часть населения города, то уж во всяком случае наиболее заметную его часть. Они катят в «газиках» или новеньких М-1, переходят из учреждения в учреждение (кстати, идти не так уж далеко), сидят в ресторанах, положив портфель на колени, или же в жаркий день пьют сидро у киоска, зажав верный портфель между ног. Даже в Парке культуры и отдыха чудным летним вечером можно встретить человека в кустарной украинской рубашечке с расшитым воротом, который лихо отплясывает заплясав, не выпуская портфеля из рук (в правой руке дама, в левой — портфель). Город переполнен командировочными. Край велик. В него входит больше десятка областей. И Хабаровск — это настоящая столица большого государства, которое находится в состоянии бурного роста.

Хабаровск — город с большим будущим. Расположен он очень красиво на высоком берегу Амура. Главная улица идет перпендикулярно реке и заканчивается переходным Парком культуры и отдыха.

Парк оборудован над самым Амуром. В нем много так называемых «пятачков» — уютных местечек, где приятно посидеть, любуясь одной из самых удивительных рек на свете. Уже с четырех часов дня пятачки, аллеи и волейбольные площадки наполняются играющими и гуляющими. Мимо скамеек, на которых с независимым видом сидят чинные красноармейцы и лейтенанты, пожилые служащие и супружеские пары, походят моряки из Амурской флотилии. Их бескозырки надвинуты на лоб, так что ленты начинаются высоко над стриженными затылками. Походка у них солидная, боцманская, а лица такие же милые, курносые и юные, как у сухопутных товарищей с самой обыкновенной походкой. Девушки держатся стайками. Сжимая в руках кошельки и сумочки, они со смехом проносятся мимо гордых моряков. Но моряки не обращают на них никакого внимания.

Сумерки переходят в теплый вечер. Над аллеями и пятачками зажигаются огни и откуда-то из глубины парка доносятся первые, не слишком стройные, но чрезвычайно томные и хватающие за душу звуки бостона. Все молодое, радостное, начищенное и наодеколованное, устремляется туда — к танцевальной площадке. Нигде, ни в СССР, ни за границей, я не видел такого количества одновременно танцующих людей, как на Дальнем Востоке. И нигде я не видел такого усердия к танцам. Огромная площадка под открытым небом сплошь занята танцующими. Вокруг площадки сидят зрители и в полном молчании наблюдают. Однажды мне пришлось видеть, как танцевали под дождем. Часто поглядывали на небо, сердились, смеялись, но продолжали танцевать. Ни одна пара не покинула мокрой и скользкой площадки. Большинство зрителей тоже остались на своих местах. Человеку, возраст которого приближается к сорока годам, лучше не ходить в Хабаровский парк культуры и отдыха. Слишком завидно. Никогда уже он не будет молодым! Никогда он не будет танцевать под дождем!

Сверкающим солнечным утром, особенно в выходной день, центром хабаровской жизни становится Амур.

Истомленные жарой, размахивая трусиками и полотенцами, большие и маленькие хабаровцы и хабаровки устремляются к пристаням и водным станциям.

Прежде чем спуститься вниз с обрывистого берега, они на минуту останавливаются, очарованные видом. Громадная река полна жизни. Обгоняя друг друга, несутся парусные шлюпки. Подтягиваются к грузовой пристани буксиры с баржами. Речной трамвай дает последний гудок перед отходом на тот берег. Из-за деревьев парка медленно выплывает сперва низкий белый нос с палубными надстройками первого класса, потом мачта, потом большое колесо с красными, как лапки гуся, лопастями и, наконец, показывается во всех своих милых сердцу путешественника деталях длинный пассажирский пароход. Он идет снизу — из Николаевска-на-Амуре.

Полюбовавшись некоторое время, хабаровцы

спешат к речному трамваю, чтобы отправиться на противоположный берег, где есть большой пляж, либо спускаются по лестнице вниз — на водную станцию. В Хабаровске их две. И они никак не могут пожаловаться на недостаток посетителей.

Выкрашенный масляной краской, деревянный пол водной станции накален солнцем. Купальщики, обжигая пятки, делают огромные прыжки, чтобы скорей попасть в воду. На водной станции «Динамо» работает ключником мальчик лет тринадцати. Его обязанность отводить посетителям кабинки, а потом запирает их на замок. Посетителям он выдает номерки. Куда их прятать — неизвестно. Совсем, как в знаменитом рассказе Зощенко. Некоторые привязывают номерки к трусикам. А некоторые плавают, зажав номерок в кулаке. По старой газетной привычке докапываться до корня всяческих бед, я вступил с юным ключником в принципиальное объяснение. Мальчик оказался сердитый. Крохотная, но все-таки власть делала его строгим. Он сказал все, что полагается в таких случаях. И «давайте, гражданин, не будем», и «раз полагается — значит нужно», и еще дюжину идиотических афоризмов, которые входят в быт с удивительной легкостью, а изгоняются с величайшим трудом. Я, в сущности, примирился с необходимостью плавать с номерком в руке. Мне просто хотелось, чтобы мальчик понял, как это глупо. Но, взглянув на него, я вдруг увидел, что его лицо искажено страданием. Он чуть не плакал. При этом он по нескольку секунд стоял то на одной ноге, то на другой. Совсем, как анст.

— Идите, гражданин, — говорил он плачущим голосом, — не нарушайте порядка.

Раскаленные доски поджаривали подошвы босых ног молодого ключника. Он готов был бы броситься в воду с целой сотней номерков, но служебные обязанности приковывали его к деревянной сковородке.

— Иди, окунись, — предложил я, — а я тут вместо тебя подежурю. Мальчик посмотрел на большой прохладный Амур, потом на меня.

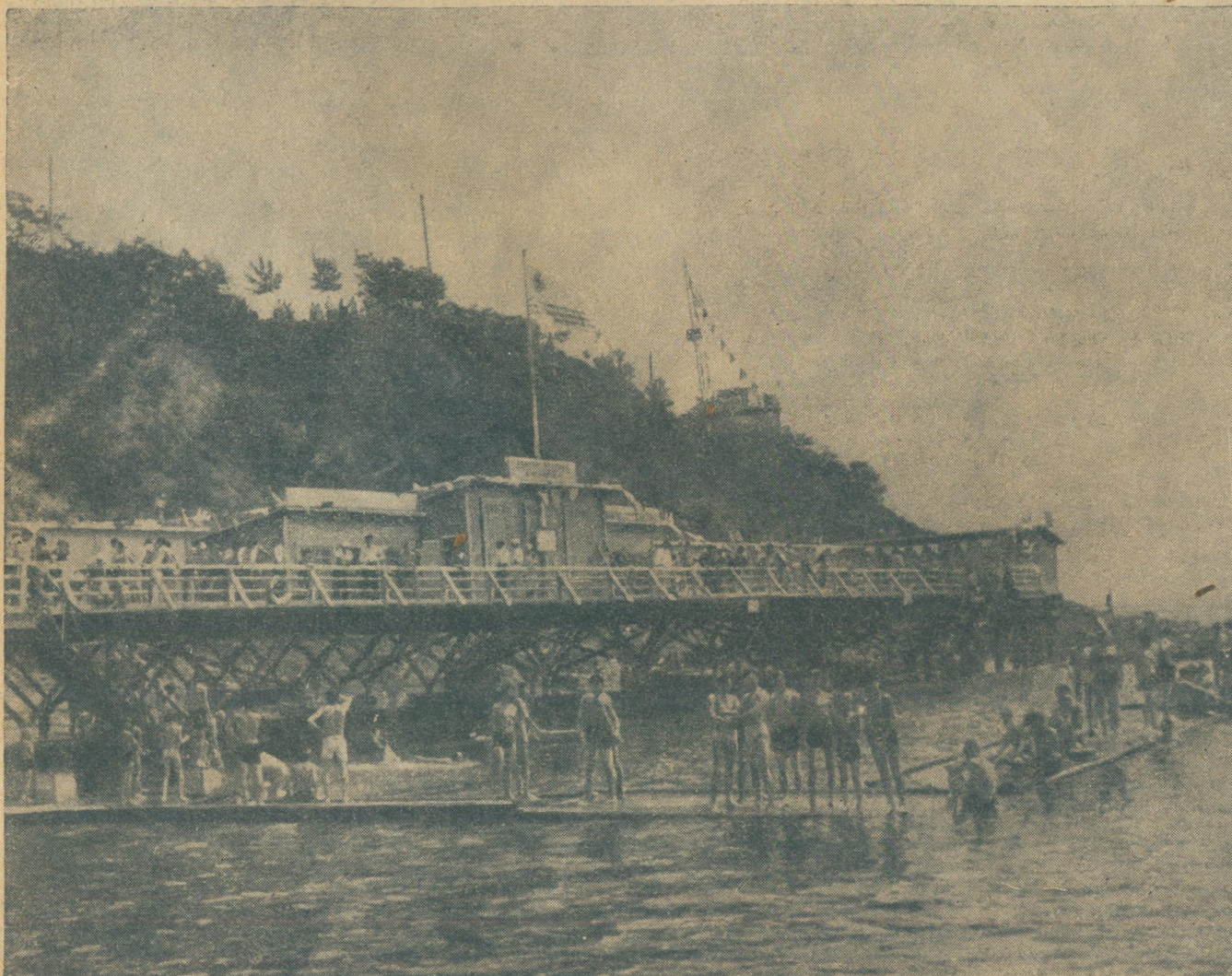
— А вы, как дяденька?

— А я надену туфли.

Предложение было заманчивое. Он некоторое время колебался. Потом тяжело вздохнул и пробормотал:

— Тоже какие хитрые выискались. Идите, гражданин, идите. Давайте не будем.

Победило чувство долга.

Лето на Дальнем Востоке капризное. Еще пять минут назад казалось, что царству солнца не будет конца, что такого голубого неба, как над Хабаровском, нет ни над Ялтой, ни над Сицилией. А с юго-запада уже несутся облака. Они набегают друг на друга, становятся все чернее. Быстрота их движения увеличивается с каждой минутой. Налетает вихрь. Солнце то исчезает, то появляется снова. Деревья сгибаются и трясут листьями. Брызжет дождь. А к вечеру небо уже снова чисто. И ночью в черном, совсем южном небе сверкают большие звезды.

Природа Дальнего Востока величественна и богата. Травы растут буйно и густо. Обыкновенная среднерусская кашка бывает здесь в рост человека и толщиной в руку. По ночам над Амуром носятся тучи белых мотыльков. Тайга зарастает, как тропический лес. В огородах вызревает длиннейшая красная редиска.

Короткие сильные дожди украшают лето, делают его вечно свежим. Но хабаровцы вздыхают. И у них есть к тому серьезные причины. Уже говорилось о том, что большинство хабаровских улиц не замощено. Почва здесь такая, что после короткого дождя образуется ужасающая, ни с чем не сравнимая грязь. Передвижение по городу крайне усложняется. И жители начинают мечтать о свирепой зиме, когда мороз прекратит, наконец, это вечное разжижение проездов. Солнце с поразительной быстротой возвращает почву в нормальное состояние. Но и от этого людям не легче. «Нормальное» состояние — это пыль.

Недавно главную улицу города, которая была замощена довольно приличным булыжником, покрыли асфальтом. Это, конечно, хорошо, но гораздо лучше было бы, если бы вперед подумали о самом простом булыжнике для поперечных улиц. Надо надеяться, что депутаты в Верховный Совет от Дальневосточного края исправят это безобразие.

Кстати, о депутатах. Говоря о Хабаровске, нельзя не вспомнить о Валентине Хетагуровой, имя которой за последний год так тесно связано с Дальним Востоком.

Мне пришлось наблюдать, как она встречала на Хабаровском вокзале очередную партию девушек, откликнувшихся на ее призыв и приехавших на Дальний Восток жить и работать.

С первой же минуты между Хетагуровой и хетагуровками установились простые и дружеские отношения. Девушки, видевшие ее в первый раз, сразу же определяли в ней верную подругу. Не так называемого «вышестоящего товарища» (есть у нас этот странный обидный недемократический термин), а просто товарища, своего, хорошего, понимающего.

Девушек отправили в общежитие, где им надо было пробыть день или два, пока их не определят по городам и предприятиям. Хетагурова поехала вместе с ними. Она подсаживалась к девушкам, распаковывавшим свой несложный багаж, вела с ними душевные разговоры. Как хорошо понимала она все значение этого первого дня в далеком краю для молоденьких девушек, может быть, впервые покинувших родительский дом.

В Хабаровске всегда можно встретить хетагуровок. Не успевает разъехаться первая партия, как уже приезжает вторая. Их очень легко узнать. Они ходят группами. Еще в поезде образовались дружба, симпатии. В комиссии по приему хетагуровок неизменно возникают просьбы, иногда требования: «Уж вы нас с Надей пошлите на работу вместе. Это ничего, что она счетовод, а я слесарь. Ведь есть же такие предприятия, где нужны и те и другие».

Когда Хетагурова проходит по улице Карла Маркса или забегают в Парк культуры и отдыха (ведь и ей в конце концов лишь немногим больше двадцати лет), отовсюду несутся приветствия: «О, Валя! Как живешь?», «Помни, Валя, я хочу на Камчатку или еще куда-нибудь дальше!».

И снова начинаются увлекательные разговоры и произносятся романтические названия: тайга, Сахалин, Комсомольск, Де-Кастри.

О хетагуровках не раз еще придется писать в этих небольших заметках. Ведь путешествие только начинается.

(В следующем номере продолжение: очерк «Вниз по Амуру»)

ЭРНСТ ТЕОДОРОВИЧ КРЕНКЕЛЬ

Фото Л. Шах

Эрнст Кренкель

...На обломке льдины, дрейфующей вдоль побережья угрюмой Гренландии, отважная четверка храбрецов регулярно производила свои наблюдения.

Далеко на севере осталось место их первой посадки, много раз менялась обстановка на новой, 56-й по счету, полярной станции. Шторм, дыбом вздымающиеся льдины, сжатие льдов, талый снег... Переселение из «комфортабельного» дома на полюсе в шелковую палаточку, а затем в снежный «папанинский домик», — все это было буднями необычайной станции. Как ни в чем не бывало радист Кренкель регулярно передавал по радио очередные сводки.

Навстречу льдине двигались ледоколы, вся страна была озабочена тем, чтобы скорее снять со льдины своих замечательных сынов. А неустрашимый и жизнелюбивый Кренкель передавал на «Таймыр»: «...В вашу сторону га-лопом побежал медведь».

Своим чередом шла жизнь и в тихом Харитоньевском переулке в Москве. Уже больше полугодика, день за днем, письмоносец носил сюда телеграммы с пометкой: «Северный полюс».

Эрнст Теодорович запрашивал с полюса, как учатся его дочери Людмила и Ирина. С крохотной льдины, несущейся с севера на юго-запад, он поздравил своих отличниц учебы. В самые напряженные дни «папка» был весел, острит. В «семейных» радиogramмах Кренкель сообщал о необычайной заплывистости Папанина, который даже «веревочке не даст пропасть даром», об усердии Ширшова, пытающегося объять глубину морского дна, о восторге Федорова, увидевшего впервые над полюсом «пернатое существо».

Наталья Петровна — жена и друг полярного радиста Эрнста Кренке-ля — бережно хранит листки с короткими и теплыми сообщениями из холодной Арктики.

В лаконичных радиogramмах вырастает перед нами облик советского полярника, обладающего железной волей и бесстрашием, не теряющего никогда бодрости.

В ночь на 4 февраля, когда на Гренландском море шторм крошил и ломал дрейфующие льды, от Кренке-ля пришла «молния» с пометкой: «Вручить немедленно». Кренкель писал семье: «Оказывается, вернусь раньше, чем предполагали. С нетерпением жду письма. Крепко целую весь мой любимый колхоз».

Вспоминается встреча с Эрнстом Теодоровичем здесь же, в этой самой гостинице, накануне нового 1937 года. Все здесь было так же, как и сейчас. На полу — распластавшаяся большим пушистым ковром шкура белого медведя. На стене — «Запорожцы», удачно написанная отцом Натальи Петровны копия с картины Репина. Книжный шкаф, наполненный всеми, кажется, книгами о Севере, об Арктике, о по-

ходах и экспедициях. На рабочем столе — «КУБ-4», передатчик, с которым у Эрнста Теодоровича связано много бессонных ночей, лазаний по эфиру, бесчисленное множество «воздушных» встреч с австралийцами и французами, американцами и англичанами.

Кренкель рассказывал о том, что закончившейся зимовке на самых северных островах.

В тот год Кренкель прошел еще один класс суровой арктической школы, испытав тяжелые условия Севера и даже цыгун. Но оставался и тогда бодрым и спокойным. И лишь когда сложная зимовка подходила к концу, Отто Юльевич Шмидт получил радиogramму, в которой Кренкель вскользь сообщил, что переживает «состояние полярного исследователя Скотта», который, как известно, погиб на Южном полюсе от цыгун. Скрытый смысл телеграммы был понят Шмидтом, и Кренкель был снят с зимовки.

— Ну, что же, — смеется Эрнст Теодорович, — было такое дело, да ведь там в Арктике всего можно ожидать, там уличное движение еще не регулируется.

Пауза. Кренкель становится серьезным. Он садится в свое любимое кресло возле окна.

Разговор переходит на обычные темы. Кренкель любит помечтать. Он мечтает, конечно, о полюсе. Наталья Петровна по секрету тогда призналась, что все годы, сколько она его знает, он мечтает о Северном полюсе, а она, Наталья Петровна, «надеется на несбыточность этой мечты: страшно очень...».

— И все-таки он добился своего, поехал, — говорила Наталья Петровна уже значительно позже. — Если Эрнст захочет — сделает.

В тот вечер Эрнст Теодорович рассказывал нам очень много об отважных исследователях Арктики, которые пытались достичь полюса.

— Мы высадим людей с самолета и установим связь Северного полюса с Большой Землей. То, что недоступно буржуазным исследователям, сделаем мы, — безапелляционно заявил Кренкель.

«...Если кому-нибудь интересно мое детство, пусть он представит себе городского мальчика из бедной интеллигентной семьи, снимающего вечером для сохранности гимназический мундирчик и надевающего заплясанные штаны и поношенную куртку; футболиста, домашнего электротехника, постоянно пережигавшего предохранители во всем доме; завязанного читателя Джека Лондона, мечтающего о мужественных приключениях, тяготившегося домашней размеренной жизнью...» — так пишет Эрнст Теодорович о себе.

Бедная интеллигентная семья, двенадцатилетний гимназист, работающий посыльным и расклеивающий по городу афиши по нарядам частного хозяина... Четырнадцать лет этот юный «электротехник» встречает Октябрьскую революцию.

В маленькой грязной московской мастерской, покрытой многолетней копотью, Эрнст чинил примусы, мясорубки, кастрюльки, разделяя заботы о семье со своей матерью. Однако брань с заказчиками и глотание копоти не могло не надоесть Кренкелю.

Как-то на улице он прочел объявление о наборе на десятидневные курсы радиотелеграфистов. Эрнст, не покидая мастерской, пошел на курсы. В холодном нетопленном помещении просиживал он вечера в пальто, на «усиленном питании», составлявшем кусок черного хлеба и ложку повидла, и изучал профессию, которая впоследствии помогла ему осуществить свою детскую мечту об отважных путешествиях.

...Первые дни работы в 1920 году на Люберецкой радиостанции, первые дежурства у рации, курьезный приказ об увольнении «за полной непригодностью», учеба в радиотехникуме (где он учился потому, что знал, что радисту можно поехать на море!). И вот, собрав немного денег, Кренкель, не дождавшись диплома, едет в Ленинград, откуда часто отходят пароходы в Балтийское море...

В конторе Балтийского бассейна Кренкель просиживал целыми днями. Он ждал случая уплыть с пароходом, знакомился с жизнью морских радистов... Наконец в руках путевка и деньги. Эрнст отправляется в зимовку, радистом на Новую Землю. Это было четырнадцать лет назад. Эрнст впервые тогда познакомился с живыми тюленями и медведями, увидел северное сияние.

Возвращение на материк тогда

было особенно радостным, волнующим. Эрнст вступил на Большую Землю как старый полярник, и... его сразу же потянуло обратно в загадочную Арктику.

В эти годы в Нижегородской радиолaborатории упорно работали над изучением коротких волн, прорезающих бесконечные расстояния.

Мысль об использовании коротких волн в Арктике не давала покоя Эрнсту Кренкелю. Вскоре он получил коротковолновую радиостанцию для Арктики.

Вторая зимовка на Новой Земле явилась таким образом началом связи на коротких волнах Арктики с Большой Землей, начинателем которой, по существу, явился Эрнст Теодорович Кренкель.

С Новой Земли, куда привезло Кренкеля гидрографическое судно «Таймыр», пошли на Большую Землю из Арктики первые сигналы коротковолновой рации, связавшие Арктику с Баку, а уже затем с Москвой, Ленинградом... Снова мы встречаем Кренкеля радистом «Таймыра» (того самого «Таймыра», который через несколько лет вышел навстречу своему радисту в Гренландское море). После «Таймыра» — новая экспедиция на пароходе «Седов» на Землю Франца-Иосифа, под руководством Шмидта. В эту зимовку Эрнст Кренкель, установивший самую северную тогда радиостанцию в бухте Тихой, записал в историю радиосвязи очередное событие: связь самой южной и самой северной станций мира. 12 января 1930 года он связался

с адмирала Берда, зимовавшего с экспедицией на Южно-полярном материке.

Трудно сказать, где Эрнст Теодорович проводит больше времени своей жизни — на Большой Земле или в Арктике. В 1931 году он участвует в экспедиции дирижабля «Граф Цеппелин». В 1932 году он отправляется в сквозной рейс по Великому северному морскому пути на «Сибириаков» — рейс, после которого на груди Эрнста засиял орден Трудового красного знамени.

А дальше... «Челюскин», после гибели которого радист Кренкель два месяца держал вахту на льдине и последним сел в самолет.

13 июня 1934 года. На пути из Владивостока в Москву. В купе жесткого вагона собралась группа челюскинцев. Идет очередное заседание парткома. На этом заседании принят в кандидаты ВКП(б) и тов. Кренкель.

Челюскинец Кренкель получил второй орден — орден Красной звезды.

...И вот становится действительностью многолетняя мечта Эрнста Теодоровича о путешествии на Северный полюс. Уже на льдине, на 56-й полярной станции, радист принял краткую радиogramму из Москвы о награждении его третьим орденом — орденом Ленина.

— Было ясно с самого начала, — говорил Отто Юльевич, — что радистом станции на дрейфующей льдине может быть только один

человек — Эрнст Теодорович Кренкель. Преданный изучению Арктики до самоубийства, тов. Кренкель еще за много лет до конкретизации наших планов осаждал меня и других товарищей проектами, один смелее другого, о какой-нибудь страшно далекой и страшно трудной зимовке.

Папанин писал:

«Радистом в нашем лагере будет Эрнст Кренкель, человек могучей воли, замечательный товарищ, неутомимый работник, отличный знаток своего крайне сложного дела».

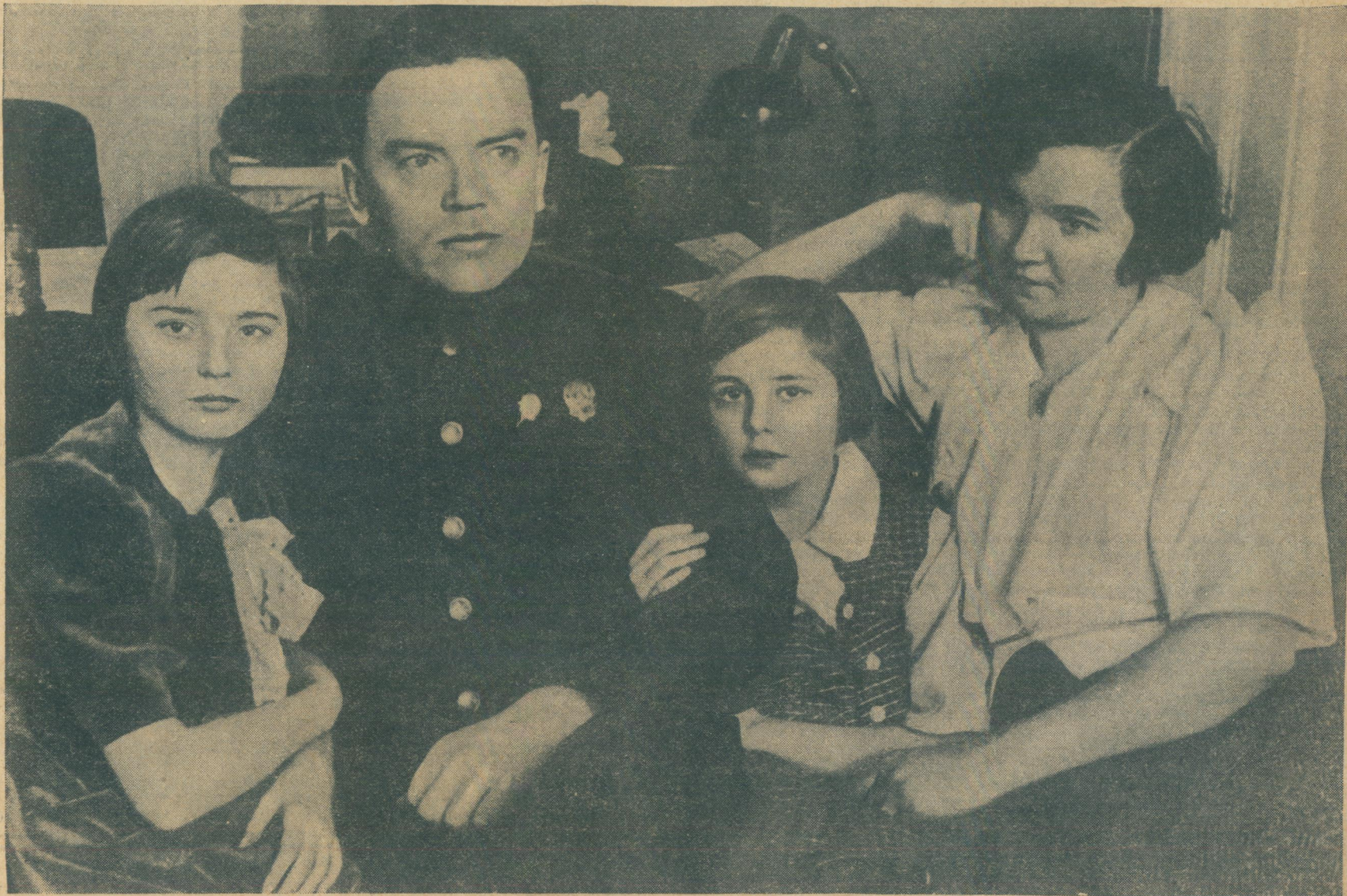
Мнения не расходятся. Весь народ высоко ценящий своих героев, любит этого смелого арктического радиста, научившегося побеждать магнитные бури и умевшего поддерживать связь с Большой Землей при любых условиях.

Народ оказал Кренкелю высокое доверие: 12 декабря 1937 года знатный радист был избран в Верховный Совет СССР.

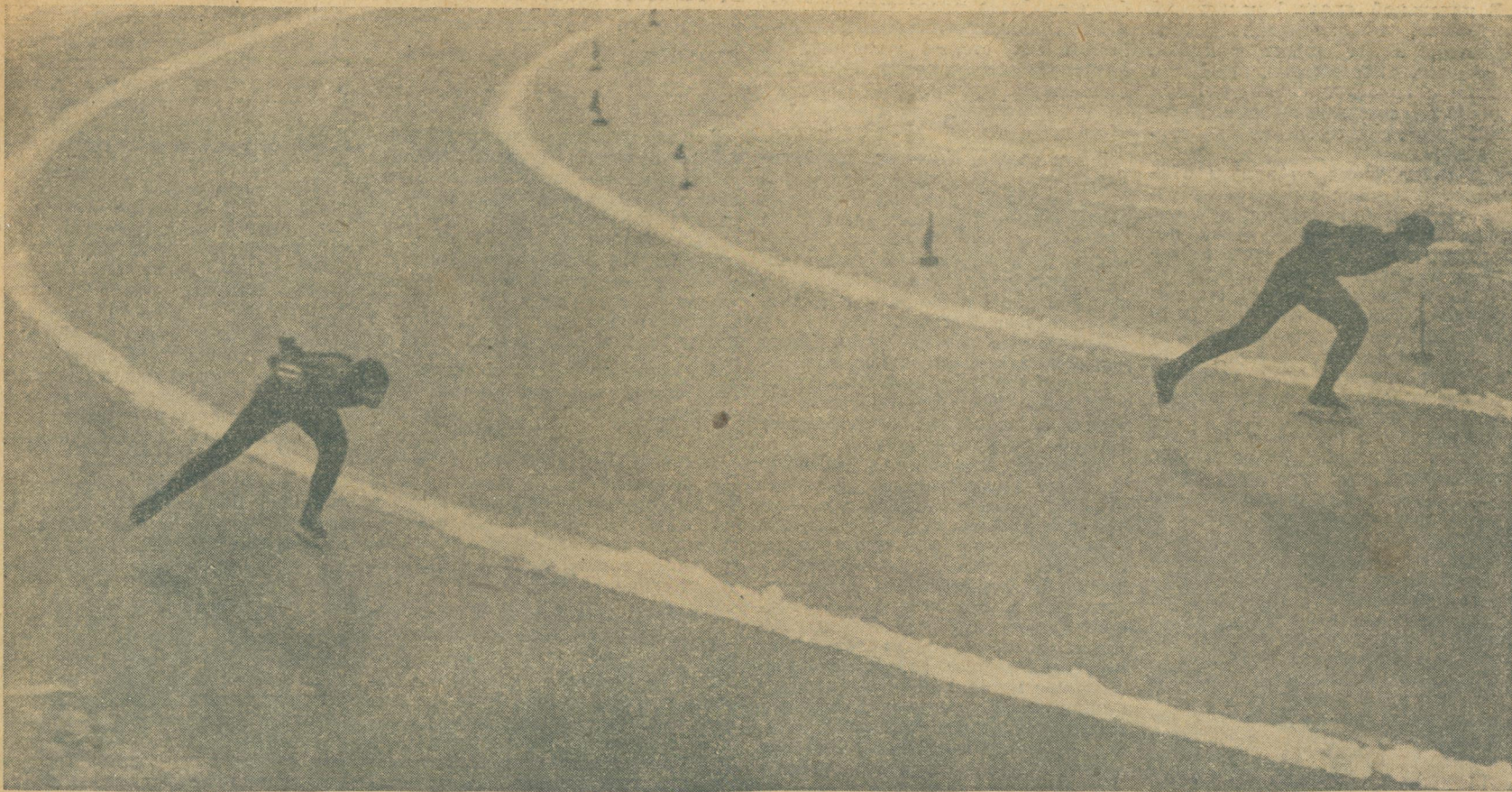
19 февраля в 15 часов 55 минут героическая четверка папанинцев покинула льдину, перейдя на ледоколы «Таймыр» и «Мурман».

Радиостанция Эрнста Кренкеля работала до последней минуты существования станции «Северный полюс». Покидая льдину, Кренкель послал в эфир рапорт папанинцев товарищу Сталину и его соратникам. Затем радист передал со станции последнюю радиogramму:

«Станция «Северный полюс», 19 февраля. Всем, всем, всем. Заканчиваю свою работу. Кренкель».

Эрнст Теодорович Кренкель со своей женой Натальей Петровной и дочерьми Ириной и Людмилой

На ледяной дорожке

Фотоэтиюд М. Грачсва

Вл. Лидин

КАЗИМИР СТАНИСЛАВОВИЧ

Рассказ

По утрам на Амур прилетали вороны. Лед уже пошел, и на проталинах темнела вода. Тогда это напоминало родную Десну, первых грачей, прилетевших на черниговские поля, тревожное начало украинской весны. Но было все это, как неверные воспоминания юности. В старой «Ниве», лежавшей четверть века в приемной врача, можно было увидеть такие картинки. Не один посетитель за двадцать пять лет воскрешал по ним в памяти поля Украины, пыльные проселки, придорожные ветлы и веселых молодух, спускавшихся с коромыслом к колодцу... Желтые углы страниц хранили следы человеческих пальцев. За окном, выходящим углом на Амур, лежала хабаровская немощная улица. Крутым спуском уходила она вниз, в такой же синеватый простор, давно сменивший видения прошлого.

Казимир Капцович был взят в плен под Мукденом. На старой фотографии, висевшей в его приемной зубного врача, среди персонала военного госпиталя посетители узнавали высокого кадыкастого длиннорукого парня, в серой папаше, в полушубке, с шашкой через плечо. Вероятно, мало кто уцелел из всех этих военных, в папашах, с эспаньолками, с закрученными по моде того времени усами, и породных и высоких сестер милосердия. Только Капцович, казалось, ничего не утратил за эти долгие годы. Широким движением длинной руки распахивал он дверь своего кабинета, такой же высокий, кадыкастый, с большим хрящеватым носом, с усами, торчавшими по сторонам. Появились, конечно, в этих рыжеватых усах белые ниточки, если взглянуть. Но ни в движениях размашистых рук, ни в неистовстве, с каким упирался зубной врач в грудь пациента, не было еще укрощенности временем. Вернувшись из плена, Капцович не уехал на родную Десну. На этой хабаровской улочке с видом из Амур он осел, обзавелся квартиркой, зубоврачебным креслом, белым докторским шкафчиком со стеклянными полками,

бор-машиной, колесо которой со свистом вертелось у его ноги. Был Хабаровск в ту пору серым, дощатым и разбросанным на холмах приамурского берега городишком. Постепенно к инструментам зубного врача прибавились толстые тома «Нивы» в приемной, картина Пимоненко, изображавшая родной украинский пейзаж; пальма у окна; гарнитур мягкой мебели, купленный по случаю у офицера Прибыльского; высокие стоячие часы с маятником, медленным и злоеющим, как неизбежность. И даже старенькая, похожая на прялку бор-машина, завыванье которой нагоняло тоску, сменилась электрической современной машиной.

За многие годы тысячи посетителей прошли через приемную зубного врача. Все знали, как стремительно длинная сухая рука распахнет дверь кабинета; в каких местах вытерты плюшевые локотники кресла с подпирающей затылок подушечкой и как близко возле самых глаз будет мелькать и раскачиваться знакомое до малейших подробностей лицо Капцовича. Толстые белые нити, похожие на гитарные струны, видны тогда в его рыжих усах; хрящеватый костистый нос кажется огромным; красноватые веки ливных голубых глаз воспалены, и редкие ресницы на них того же цвета, что и эти прокуренные, все еще победоносно торчащие кверху усы. Руки его пахнут табаком, неотмываемо рыжеющим между средним и указательным пальцами. Вот сейчас коротким росчерком спички по коробку он зажжет спиртовку, проведет над лиловым уютным огоньком зеркальце, полезет им в рот, неприятно наполнив его запахами табака, денатурата, металла. Руки у него длинные, решительные и беспощадные.

— С этим зубом прощайтесь. Сейчас его выдерну,— скажет он повергнутому в смещение посетителю.

И тогда ни страх, ни мольба об отсрочке не помогут. Все это будет сделано быстро,

безоговорочно, как полагается занятому человеку,—людям которые ждут в приемной, нет дела до мнительности и страха больного. И он упирается больному в грудь и рвет зуб. Но рвет он чисто, без поломок, с искусством,—тогда больной видит только у самых глаз синюю налившуюся ижицу на его лбу, ощеренные редкие зубы под рыжими усами и густой желтый ворс сильных, быстро действующих и уверенных рук. Китаец Ю-сян, славившийся своим искусством рвать зубы, приходил смотреть на его работу. Если зуб сидел крепко, Капцович бормотал сам с собой, с быстротой хватая инструменты, со стуком кидая их на стеклянную полочку, рывком открывая рот пациенту: «Сейчас мы его возьмем. Еще минута. Вот так... Откройте рот! Шире, шире!»—и больной не успевал издать крика.

Его знали жители Хабаровска, приезжие из Николаевска-на-Амуре и Благовещенска, его знали китайские и японские купцы, имевшие свои предприятия в городе. Японцев, однако, Капцович лечил неохотно.

— Я, знаете ли, этой японской военщиной с тысяча девятьсот четвертого года сыт... — Он делал полосующее движение по горлу. — Я, знаете ли, ее на войне повидал, да и в плену, в Миасака. Опасная публика, я вам скажу,—говорил он акцизному чиновнику Скулло. — И вежливо обоидут, и предадут, и обманут.

Скулло сидел в его кресле, со ртом, сияющим золотом, похожим на какое-то буддийское капище. Он держался о Японии иного мнения: ему нравилась эта страна хризантем, цветущей вишни—сакура, чайных домиков, гейш...

— Ну, знаете ли, это чересчур того... прямолинейно,—говорил он лениво. — Среди японцев есть, несомненно, весьма порядочные и учтивые люди.

Из Манчжурии широко лился ханшин. — Скулло не раз имел дело с поставщиками контрабандной водки, улаживавшими с акцизным ведомством маленькие недоразумения.

И Капцовичу приходилось пломбировать зубы и японским купцам, и чиновникам из японского консульства, и китайцам, приезжавшим из Харбина и Айгуни, и всему тому великому разноплеменью, которое населяло и посещало Хабаровск. За много лет жизни в Хабаровске Капцович стал составной частью города. На

его глазах из дощатой и разбросанной по склонам Хабаровки вырастал город Хабаровск. Каменные дома сменяли деревянные его строения, вдоль Амура строились портовые склады, выросли большая больница, гимназия. Он был членом вольно-пожарной дружины, впоследствии ее председателем; членом общества бывших участников русско-японской войны и общества одонтологов и зубных врачей. Не одна вывеска зубного врача появилась за эти годы в Хабаровске. Но практика Капцовича затмевала их своей славой. Старик Сенума, хозяин фирмы японских шелков, предпочел работу Капцовича японским дантистам. Капцович сделал ему мост с девятью золотыми зубами, и с тех пор в приемной Капцовича можно было увидеть и китайца в шелковом халате, с длинной угольно-черной косой, и подтянутого, вежливого японца из компании «Катагами и сын», со вниманием листающего старую «Ниву».

Деревянный Хабаровск часто горел, с грохотом и тревожными всхлипами колоколов неслись тогда сытые пары пожарной дружины, расплевывая воду из деревянных бочек. И впереди них, почти стоя в экипаже, как водитель этих лошадиных неистовых сил, пронесся в громяющей пролетке Капцович. Он прилетал на пожар раньше всех, размахивал своими длинными руками — громкий, повелительный, неумолимый, — летели балки, разбивалось стекло, рыжие пегушиные перья загибались кверху из окон, дружинники пожарной дружины качали ручные помпы. Капцович чувствовал себя вершителем судеб. Закопченный, он возвращался с пожара — с этого праздника огненных языков, звона, треска, — к будничному делу зубного врача.

— Не понимаю, какая вам охота утруждать себя всеми этими пожарными делами, — говорил скучаяще Скулло. — Ну, я понимаю, стихия, азарт... но, чорт возьми, я предпочитаю азарт в офицерском собрании. Там, знаете ли, в одну ночь можно сделать в макао такие дела... деньги на Дальнем Востоке шальные!

— Служение обществу, — отвечал Капцович грозно. — Пожар — народное бедствие. Красный петух — бич России!

Он презирал этого скудоумного чиновника с его акцизными интересами. Город нуждался

в поддержке общественных сил, — Капцович сбором добровольных пожертвований сумел увеличить пожарный обоз, его мечтой был паровой насос, эта огромная, блистающая медью машина — соединение могучих сил пара, металла, сдержанного клокотания, струи, похожей на выстрел... Два года спустя Хабаровская городская управа выразила через печать благодарность Капцовичу — его трудами был получен насос. Еще год спустя его выбрали в гласные думы. Из робкого дантиста, пришедшего в приамурский скверный городишко с его тесовыми крышами и каланчей, похожей на дозорную башню времен Ерофея Павловича, — Капцович стал отцом города. Отцами города были самые старые и почтенные жители, у каждого из них был дом или какое-нибудь предприятие, — один Капцович был представителем вольной профессии, добившимся положения не цензовой привилегией домовладельца, а служением обществу. Он появлялся теперь на улицах города, как наблюдающий за порядком в нем, за правильными отношениями между людьми, за его ростом. При нем были заложены здания банка, управления пароходства, гимназии. При нем были построены первые пристани.

В Новый год и на пасху совершались визиты. Китайские и японские купцы посылали гласным, полицеймейстеру, акцизным чиновникам, пароходоладельцам, архиерею подарки. Архиерей, отец Иннокентий, бывший член Пекинской миссии, отвечал пространным обращением к пастве. Он призывал людей к миру, взаимному почитанию и порядку. Установив, что Дальний Восток после годин воинской брани переживает годы мира с соседями, он призывал способствовать процветанию торговли между народами и мирного с ними сожительства. Чайные фирмы посылали обычно архиерею китайский зеленый чай в жестяных банках, акцизный чиновник — любитель сладкого — получал китайскую пастилу в плоском ящичке, японскую резную кость с затейливым сюжетом, если отколупнуть ногтем потайную пружинку, или шелковую курму. Капцович подарки отверг раз и навсегда. Ничто не изменилось в его квартире зубного врача, к гарнитуру мебели офицера Прибыльского не прибавилось ни одного захудалого креслица, — Капцович слыл мечтателем, человеком непрактическим, преданным одной цели служения обществу. Разве только

позволял он какому-нибудь из клиентов привезти с собой тот или иной пустячок, необходимый ему для его работы. Начиналась мировая война, все труднее было доставать настоящий цемент, каучук или боры. А он любил прочную работу, зубы, вставленные в рот на вечность, золотые коронки, которые насаживал он так, что человек оседал под его рукой... Он любил сияние золотых мостов, литые пломбы, которые превращали зуб в жернов, работу не на месяцы, а на десятилетия.

Со Скулло случилась неприятность по службе. Он пришел к Капцовичу в неприемный час, вечером. В таинственной лаборатории стыли гипсовые слепки и челюсти. Золотые зубы были вкраплены в них, как драгоценные камни. А над ними, на полочках, стояли флакончики с синими, зелеными и бесцветными жидкостями, алкалоиды, яды в капельных дозах. Капцович все делал сам и не доверял зубному технику. Он взбалтывал жидкости, смотрел их на свет, лил в формы жидкий гипс, изучал следы прикуса на воске. Его длинные руки взмахивали, летали по комнате, рыжий ворс их дымился на свету сильной лампы с рефлектором. Скулло сел на стул печальный и подавленный. На его мучнистом лице были пятна.

— У меня кое-какие служебные неприятности, Казимир Станиславович, — сказал он, вздохнув. Капцович, казалось, не слышал его. Его руки продолжали стремительно действовать. — Я к вам пришел с небольшой просьбой. Знаете ли, у каждого человека есть кое-какие сбережения на черный день. Вы — зубной врач, золото нужно вам для медицинских целей... не взяли бы вы на сохранение немножечко золота?

Тут Капцович в первый раз взглянул на посетителя. Лицо его было страшным, колющие усы шевелились. Пальцы, закапанные гипсом, словно потянулись к горлу этого осмелившегося притти к нему с такой просьбой человека.

— Вы — казнокрад... вы осмеливаетесь притти с этим к общественному деятелю... вон! — сказал он в самое лицо Скулло.

Он, вероятно, разбил бы своими длинными руками и все эти гипсовые слепки, и лампу с рефлектором. И Скулло исчез. Много позднее, уже допрашиваемый ревизией сенатора

Атака танков

Картина худ. Львова

Гарина, он не испытал такого страха, как в кабинете Капцовича. Давно уже променял зубной врач молодое увлечение пожарами на деятельность гласного думы. Вот он идет неспеша по Муравьевской к Амуру. Китайские купцы, узнавая его, приветливо скалят желтые зубы. В их лавках прохладно и пахнет чаем и чесу-чей. Городовой на перекрестке козыряет ему — искусство Капцовича признал даже сам генерал-губернатор Субботич. Таким же рывком, как и рот любого своего посетителя, открывал Капцович генерал-губернаторский рот, так же, не делая отличия, кричал он в выпученные глаза: «Шире! Шире!», — нащупывая щипцами больной корешок. Он выпягивает по улице, высокий, костистый, в брезентовом пыльнике летом, в грубом романовском полушубке зимой, равнодушный к славе, к богатству, к возможности обменять хотя бы свою квартиречку на квартиру в благоустроенном доме. Капцович шел по Муравьевской, шелкая полами брезентового пыльника, размахивая длинными сухими руками, — значит, был седьмой час, можно записать магазин. Все знали точный распорядок его посещения больницы, возвращения домой, жест, с которым распахивал он окно на Амур, часы приема, когда с повязанными щеками и флюсами тянулись больные к его дому...

Во время налета на Хабаровск семеновцев, его едва не убили в уличной свалке. Он стоял на городской площади, угрюмый, безмолвный, с длинными неприятными руками, которыми тыкал в морды наседавших коней. Его схватили, и только в полицейском участке помощник пристава удостоверил, что это первый в городе зубной врач. Зубы болели у всех одинаково, и Капцовичу пришлось лечить зубы и семеновцам, и бочкаревым, и японскому полковнику Кониси, и первому красному коменданту города Прохорову, и начдиву Силантьеву, с самого штурма Волочаевской сопки мучившемуся от воспаления надкостницы...

После трех лет хозяйничания ненавистных японцев, налетов семеновских отрядов из Гродекова, бестолкового торжища гласных в городской думе, безвластия, — город, наконец, перешел в крепкие руки. Почти все гласные думы бежали во Владивосток и в Манчжурию, бежали пароходовладельцы, пайщики пароходного Амурского общества, бежали китайские купцы, бежали почтенные жители Хабаровска, — Капцович остался. Он был зубным врачом, он не нажил ни домов, ни пароходов, ни капитала, его знали даже дети на улицах; его руки рывком открывали теперь рты красноармейцев с их запущенными флюсами и воспалениями надкостниц... Капцовича прикомандировали сначала к военному госпиталю, потом к комендантскому управлению, наконец, к штабу дивизии.

— Япошек-то того... — сказал он в самое лицо Силантьеву, копошась в его рту своими сильными и опытными табачными пальцами, — сбросили в море. Преподлая военщина, я вам скажу... Ни слово, ни соглашение — для нее всё ничем. Я эту публику поймаю — и под Мукденом и в плену в Миасака. — И он быстрым и решительным поворотом руки извлек у начдива Силантьева больной корень.

Хозяева пришли, наконец, в Хабаровск; вся подлая и трусливая свора защищавших свои привилегии пароходовладельцев, купцов и казнокрадов-чиновников, вроде Скулло, бежала, — он мог свободно и независимо ходить по знакомым улицам, продолжать свое дело, принимать больных.

Красноармеец Васильев, у которого выдернул Капцович подряд три зуба — они мучили его еще из самой Читы, — запомнил лицо зубного врача. Сорок минут возле самых его глаз торчали жесткие усы, похожие на холку полкового жеребца «Мурата», воспаленные веки с редкими ресницами того же цвета, что и усы, огромный костистый нос с прямоугольной горбиной и руки в рыжем дыму волос. Запомнил он и запах табака и денатурата, противно осевший на развороченных деснах, и неистовство стремительных движений дантиста. Пятнадцать лет спустя, возвратившись в Хабаровск уже командиром пограничного отряда, он с удивлением натолкнулся на фамилию Капцовича. Так же сияла эта нагертая медная вывеска с твердым знаком, так же было открыто угловое окно на Амур, так же сидели в приемной зубного врача больные. Только вместо «Нивы» лежали теперь в приемной комплекты

журнала «Строим», да пальма у окна стала под потолок. Время прибавило, конечно, белых струн в жесткие усы, торчали они уже не так непобедимо вверх по сторонам огромного носа, но был Капцович тот же, Васильев его узнал. Он узнал быстрые движения его рук, со стуком бросающих на стеклянную полочку инструменты, рыжеватый, еще более загустевший дымок их волос и неуютное лиловое пламя спиртовки.

— А я у вас, знаете, уже лечился, — сказал Васильев весело. — Еще в двадцать втором году, когда Красная армия заняла Хабаровск... я тогда красноармейцем был, вы меня не помните.

— Я, знаете ли, столько народа за это время лечил... всех не запомнишь, — сказал Капцович равнодушно.

Он опять копошился в его рту, и Васильев сидел, запрокинув голову на подушечку кресла, и думал. Чем-то радовало его, что старик жив, работает, трудится; что вывеска его начищена мелом; что большая трудовая жизнь лежит за этими все еще сильными большими руками с их широкими и размашистыми движениями. Он был как-то связан с ним, с его красноармейской молодостью, со счастливым чувством победы, которое сопровождало их при вступлении в Хабаровск. И теперь ему было приятно сидеть в этом кресле с протертыми плюшевыми локотниками и отдаваться опытным рукам старика.

— Вы где же сейчас изволите служить? — спросил вдруг Капцович.

— На Уссуре, в пограничном отряде.

— А, слышал. У вас там отчаянные пограничники есть.

— Чем же отчаянные? — спросил Васильев.

— А все эти ловкие штучки да повадки япошек знают. С этой военщиной нужно быть всегда на чеку. Они тут на Дальнем Востоке в свое время корни пустили...

— Ну, насчет этого им теперь туговато, — засмеялся Васильев.

Гимнастерка с тремя полковничьими шпалами хорошо сидела на нем и зеленые петлицы как бы сохраняли цвет дальневосточной тайги. Зуб был запломбирован. Капцович подшлифовал еще пломбу, любуясь своей новой работой, и Васильев довольный покинул его. Есть какое-то мужество в трудолюбивой, не сдающейся старости, тысячи людей убоялись трудностей новой жизни, побросали всё и ушли, а вот старик остался на своем посту, и хорошо бы дать ему какое-нибудь там звание заслуженного деятеля или что-нибудь в этом же роде... И утром он уехал из города.

Пограничный катер задержал на Уссуре китайскую лодку. По одну сторону реки скудных глинистым берегом тянулася Манчжурия. У слепленной из этой же глины деревеньки болтались рыбацкие лодки. Между длинных островов, заросших густо богуйником, держалась на глубях рыба, и китайцы ставили морды вблизи корневищ. Лодка, которую задержали пограничники на рассвете, была обычной убогой лодкой манчжурского рыбака. На дне ее лежали две опорожненные морды, и в мутной, грязной воде, наполнившей лодку на треть, еще ударяли хвостами и перевертывались с бока на бок два больших темноспинных сазана. Старик-китаец, в ватной куртке, древний, пергаментно-обтянутый кожей, усталый от семидесятилетнего вращения своей жизни, равнодушно глядел на задержавших его людей. Река была вся еще белая, в перламутровых вспрысках быстрин сквозь утренний туман. Лодку привели на буксире к советскому берегу. Ничего не было в ней, кроме морд, двух бившихся полуживых сазанов да подвешенных на веревочке вяленых каракатиц — обычной скудной китайской пищи. Из лодки вылили застоявшуюся темную воду и опрокинули сушиться на берегу. Китаец вяло и равнодушно побред между двух пограничников. Видимо, недавно только бросил он носить староманчжурскую косу, и длинные редкие косицы волос, сплетавшиеся обычно с косой, по-бабьему висели у него за спиной. Он был стар, слабые ноги, обутые в улы, едва несли его длинное тело, руки были в синих узлах свернутых временем и плохо пропускавших кровь вен. В его карманах не оказалось ничего, кро-

ме маленькой трубочки и жалкого кисета с белыми корешками дешевого табака.

Начальник пограничной заставы, препроводил китаец к Васильеву. Так же равнодушно, на своих слабых ногах, стоял китаец перед Васильевым.

— Твоя откуда родом? — спросил Васильев на особом, уже усвоенном им языке.

Глаза китаец дремали, он смотрел из глубины своих лет на этого человека, который мог быть ему сыном.

— Твоя где живи? — спросил Васильев снова.

Какое-то движение мысли прошло в старческих слезливых глазах. Он, Цзин-хуа, уроженец Хуачуаня, живет с сыном в деревне на берегу Уссури. Сын работает на земле, он, Цзин-хуа, выезжает иногда ловить рыбу. Рыбы стало мало, ее распугали на Уссуре. Он отвечал вяло, неспеша, жуя мысль, и Васильева удивило, что во рту китаец движется и пристукивают передние зубы. Зубной протез стоил дорого, и кто мог сделать для старика европейский протез? Впрочем, об этом он тотчас забыл и вспомнил только на другой день, перед вечером.

— А ну-ка, товарищ Полищук, — сказал он вдруг командиру отделения Полищук, — достань мне у китаец зубной протез. Я осматриваю его, какой он работы, и мы его сейчас же вернем.

И Полищук направился к дому, где содержался китаец, и принес вскоре в тряпочке протез из его рта. Это была каучуковая пластинка с шестью желтыми боковыми зубами в цвет желтых длинных китайских зубов. Дужка была совсем новая, недавней работы, еще не утратившая первоначального блеска.

— А ведь работа-то свежая, — сказал Полищук. — Интересно, где ее ему сделали?

Васильев повертел на бумажке протез. Он вспомнил внезапно знакомую ему свыше пятнадцати лет приемную Капцовича, пальму, выросшую под потолок, длинные руки в рыжем пуху и зубоврачебную лабораторию, где сверкали золотым оскалом челюсти и мертвенно белели гипсовые слепки. Он оглядел еще раз этот необычный предмет и вдруг коротким и быстрым движением разломил его на две половины.

Есть почти бесплотность в той шелковой ткани, которую за столетия прядильного искусства довели до подобия уплотнившейся паутины. Можно на шелковом таком лепестке уместить не одно многословное изложение, если к этому за многие годы приучена опытная рука. И Васильеву пришлось далеко перешагнуть за воспоминания своей молодости, за дни, когда красноармейцем, в ржавой шинелишке, вступил он в зимний и неприятный Хабаровск, — к порою, когда он был еще семилетним Сережкой Васильевым... В эти годы, побитая, зализывала свои раны на Дальнем Востоке Россия: невеселые эшелоны с возвращенными из плена солдатами тянулись обратно к Байкалу; в эти годы вернулся из Миасака, из японского плена, молодой, кадыкастый, длиннорукий зубной врач Капцович. Свыше тридцати лет жил он на одной и той же улочке в Хабаровске; рвал зубы, пломбировал, делал челюсти; стал неотъемлемой частью города, его совестью, гласным; повергал в трепет казнокрадов и взяточников; слыл мечтателем, энтузиастом. И свыше тридцати лет подряд сочинился из маленькой квартирчки всевозможные сведения, от численности гарнизонов до настроения общества, обстоятельные изложения проводимых реформ, прокладываемых путей и предполагаемых изысканий...

Много месяцев спустя, ворочаясь ночью на походной постели, проверяя в своей памяти черты старика, Васильев искал для себя причины этого величайшего нравственного падения. И он их нашел, наконец. Это была шляхетская ненависть в самой крови — ненависть к народу, к его делам и истории. Может быть, любуясь на пожары, он мысленно истреблял всю страну, жаждал военного ее поражения, восстанавливал шляхту от моря до моря... И даже в протезах, похожих на конспекты произнесенных речей, жила изощренная мысль не-звуча.

И Васильев, много повидавший за свою жизнь человеческой подлости и измены, содрогнулся перед трудолюбивым упорством стариковской руки, которая свыше тридцати лет подряд вычерчивала один и тот же план разрушения...

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ВЫШИВКА

Текст Евгения ИВАНОВА

Зарисовки Евг. Данилевской

Русская вышивка является одной из интереснейших и своеобразных отраслей народного искусства. Украшая одежду и предметы домашнего обихода, вышивка донесла до нашего времени отголоски седой старины и служит ценным фольклорным материалом.

У восточных народов украшением жилища служил и служит ковер, у русского же крестьянина эту роль выполняют «нитью писанные» полотенца, подзоры, ширинки, иногда пологи и занавесы — так называемая рукодельная вышивка.

Примитивный рисунок, закрепленный на ткани, отражает бытовую культуру, художественные вкусы, потребности, мировоззрение крестьянской среды.

известное количество нитей, остающиеся же «перевиваются» ниткой и образуют таким образом подобие канвы, по которой и «пишется» узор. При «вырези» нити из холста также удаляются, но оставшиеся стягиваются, «сводятся» между собой, образуя задуманный рисунок. Иногда оба способа соединяются: часть узора делается на один лад, а оставшаяся — на другой. Вышивание «в тамбур» производится при помощи крючка, которым продевают через ткань нить по заранее намеченному рисунку. Самый легкий прием вышивания «в крестик» пользуется широкой популярностью.

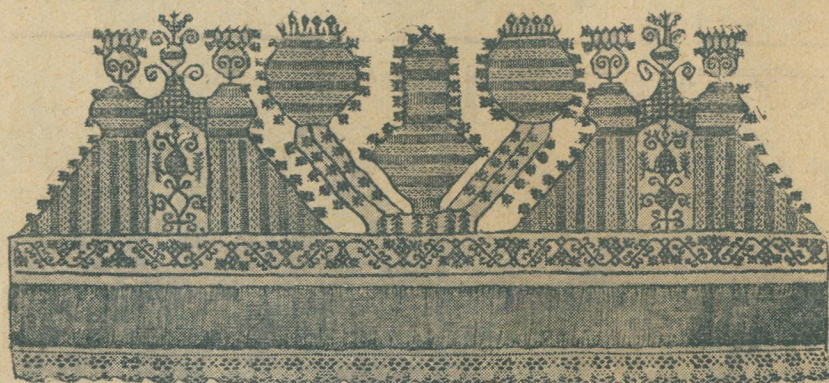
Вышивка делается или на руках — «ручная» или «в пальцах» —

«ягодка», «городок», «рублевик», «крестец», «разнобой», «гладь», «переборы» и т. п.

Особый интерес представляет русская народная вышивка со стороны орнаментики рисунка и сюжета. На древнейших вышивках, найденных преимущественно на севере (в бывших губерниях Новгородской, Псковской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской), встречаются целые сцены, изобра-

тельно детализированные бытовые подробности, но и злая, заостренная сатира на изображаемое. Поволжье любило геометрические фигуры, юг — цветы, цветочные гирлянды, порхающих и сидящих птиц, фантастическую зелень.

Наиболее ценились изделия тонких мастериц бывшей Олонецкой губернии, доходивших в работе до виртуозности. Сохраняя в работе северную манеру, они славились

Шитье бумажной нитью на пологе (русский север, XVIII век)

Каждая местность имела свои рисунки и технические приемы вышивки.

Наиболее распространенные приемы вышивания — это так называемые шитье «по перевити» и шитье «по вырези», или «выборка» и «строчка». И тот и другой способы требуют большого практического навыка мастера. При «перевити» из куска холста выдергивается из-

в специальной складной деревянной раме. Более ценной и древней является «ручная» вышивка, особенно если рисунок делается «двухсторонним», то-есть одинаковым с лица и изнанки. Чаще всего образцы этой работы встречаются на «ручниках» и «ширинках». Сообразно с техническими особенностями, швы в такой работе носят разнообразные названия: «клопец»,

Шитье-гладь разноцветными шелками (Центральная полоса России, XVIII век)

жающие религиозно-культовые моменты — языческое жертвоприношение, поклонение богам, деревьям, наконец, легендарных животных, птиц. Северная вышивка является поэтому наиболее ценным памятником бытовой истории русского народа.

В центральных местностях России, где население было более пестро, видно влияние «заезжих людей»: сюжет вышивок смешанный. Там, где крестьянин в эпоху крепостного права сталкивался с кичливым, одетым по западной моде барством, он ввел в свои узоры изображения фигур, удивлявших его оригинальностью одевания. В нынешней Ленинградской области встречаются такие образцы. В примитивном рисунке вышивальщицы часто сквозит не только старание дать сходство с оригиналом и тща-

среди знатоков четким, видимо, завезенным к нам с востока «тамбуром», положенным поверх «перевити» и «низовой подпушной» основы изделия.

Имен вышивальщиц мы почти не знаем. Природная скромность художников из народа, умение творить только во имя внутренней художественной потребности, сравнительно поздно возникший научный интерес к вышивке и презрительный взгляд на народное искусство до революции, — не сохранили нам имен замечательных мастериц.

В настоящее время вышивка переживает высокий творческий подъем. Художественные коллективы мастеров и мастериц вышивки разрабатывают сейчас прекрасные новые рисунки, отвечающие запросам нашего времени.

На обложке — Отважные сыны нашей родины товарищи Папанин, Ширшов, Кренкель и Федоров — участники беспримерной научной экспедиции на льдине от Северного полюса до южных границ Гренландского моря. Фото В. Гребнева. На последней странице обложки — На парашютной станции (Сталинабад). Фото А. Шайхета.

Редактор МИХ. КОЛЬЦОВ.

Издатель: ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Адрес редакции: Москва 6, Страстной бульвар, 11. Тел. 4-28-45.

НЕПРИНЯТЫЕ РУКОПИСИ И КРОССВОРДЫ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

Сформление И. Уразова.

Стат. формат 275×360 мм, 1/4 доля, 1 1/2 бум. листа.

Техн. редактор И. Ахрап.

Уполн. Главлита Б-21122. Изд. № 56. 3 и. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 15/II-38 г. Подписано к печати 5/III-38 г. Заказ № 393. Тираж 300 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Наркоминцентр
СССР
Главрыба

Вы
ПОПРОБУЙТЕ
ХОТЯ-БЫ
КАК ВКУСНЫ
И НЕЖНЫ
КРАБЫ

Дальневосточные
КРАБЫ
лучший деликатес

Из консервированных крабов готовят
самые вкусные салаты и
разнообразные горячие блюда.

ТРЕБУЙТЕ КРАБОВЫЕ КОНСЕРВЫ
ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ ГЛАВРЫБЫ
И В ДРУГИХ ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ МАГАЗИНАХ, БУФЕТАХ И РЕСТОРАНАХ.

ЗАВОД "ЭЛЕКТРИТ"

возобновил
прием заказов на
1938 год на электроточки бронзовые, медно-сетчатые, угольные, графитные, медно-графитные лубы твердостей для динамо-машин и других агрегатов.

Цены снижены на 25%.

Заказы по всем видам медных электроточек необходимо обеспечить утиль-медью.

С предложением обращаться: ЛЕНИНГРАД, 112, МАЛАЯ ОХТА, Уткин просп., дом № 8, завод "Электрит".

Тел. 4-36-24.

"НОТЫ-ПОЧТОЙ" Могиза, Москва, Неглинная, 14/0
Высылает наложенным платежом без задатка
САМОУЧИТЕЛИ ДЛЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ
по цифровой или нотной системам

2-х РЯДНАЯ ХРОМАТИЧЕСКАЯ ГАРМОНИКА «ХРОМКА» 26×24 или 25×25 клав. Самоучитель — 3 р. 50 к.
2-х РЯДНАЯ ВЕНСКАЯ ГАРМОНИКА. 1) Самоучитель — 1 р. 25 к.; 2) Сборник танцев — краковяк, венгерка и др. П. 1 р.; 3) Сборник легких пьес. П. 1 р.; 4) Сборник 10 пьес — Песня о родине, Каховка и др. П. 2 руб.; 5) Сборник песен, танцев и маршей — 1 р. 50 к.
БАЛАЛАЙКА. 1) Самоучитель. П. 3 р. 50 к.; 2) Сборник 7 песен — Все выше. По военной дороге и др. П. 85 к.; 3) Сборник танцев — вальсы, мазурка и др. П. 1 р.; 4) Сборник 10 пьес русских композиторов. П. 90 к.; 5) Сборник 15 легких пьес для начинающих. П. 1 р. 20 к.; 6) Сборник 7 советских песен с пением — Орленок, Партизан Железняк и др. П. 1 р. 25 к.; 7) Сборник пьес русских композиторов. П. 75 к.
МАНДОЛИНА. 1) Самоучитель. П. 2 р.; 2) Сборник 10 народных песен. П. 65 к.; 3) Сборник танцев и маршей. П. 1 р. 10 к.; 4) Сборник 7 пьес — Чайковского, Мендельсона и др. П. 1 р. 85 к.; 5) Сборник отрывков из опер и балетов. П. 1 р. 30 к.; 6) Сборник 16 легких песен и пьес. П. 1 р. 50 к.
2 МАНДОЛИНЫ. Сборник легких дуэтов. П. 1 р. 65 к.
МАНДОЛИНА О ГИТАРОЙ. 1) Сборник 5 легких пьес. П. 65 к.; 2) Сборник 6 русских песен. П. 1 р.
МАНДОЛИНА, БАЛАЛАЙКА И ГИТАРА. 1) Сборник 6 русских народных песен. П. 1 р. 60 к.; 2) Сборник пьес — Бетховен, Шуберт и др. П. 1 р. 35 к.; 3) Сборник 6 легких пьес — Глинка, Берди и др. П. 1 р. 20 к.; 4) Сборник пьес русских композиторов. П. 1 р. 90 к.
СКРИПКА — по нотной системе. Школа К. Берно. П. 4 р. 50 к.
ИЛЮХИН. «Как научиться читать ноты» при игре на гитаре, мандолине, балалайке, гармонике. П. 1 р.
ИЛЮХИН. «В помощь инструктору школьных оркестров». П. 1 р. 25 к.
АЛЕКСЕЕВ. Как организовать ансамбль массовых струнных инструментов в деревне. П. 65 к.

КОГИЗ

В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ ЯЗЫКИ
ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

АНГЛО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ для НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ и СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Около 15.000 слов с приложением грамматических таблиц. Утверждено Наркомпросом РСФСР ГИСЭ 1937. Стр. 448. Цена в пер. 4 р.
Словарь напечатан крупным шрифтом.
Может быть рекомендован и взрослым, начинающим изучение английского языка.

ФРАНЦУЗСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ для НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ и СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Около 20.000 слов с приложением краткой грамматики в таблицах. Утверждено Наркомпросом РСФСР ГИСЭ. 1937. Цена в пер. 5 р.

Требуйте словари во всех книжных магазинах «КОГИЗ».

Почтовые заказы направляйте в ближайшее областное (краевое) отделение КОГИЗ'а, а также по адресу: Москва, ул. Горького, 51, Дом Интернациональной Книги.

МОСКОВСКИЙ ВИТАМИННЫЙ ЗАВОД
выпускает
Ангирахитный Витамин
"Д"

ВИТАМИН "Д"
предупреждает и быстро излечивает рахит у детей.
ВИТАМИН "Д"
поддерживает солевой обмен у беременных и кормящих женщин.
ВИТАМИН "Д"
ускоряет сращивание костных переломов у людей любого возраста.
ВИТАМИН "Д"
выпущен с разрешения Витаминного Комитета Ученого Медицинского Совета НКЗдр. СССР.

Каждая серия препарата подвергается биологическому испытанию на государственной контрольной витаминной станции НКЗдр. СССР.

ОПТОВАЯ ЦЕНА ФЛАКОНА, СОДЕРЖ. 100.000 ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ, — 4 РУБ. 50 КОП.
ОПТОВАЯ ЦЕНА ФЛАКОНА, СОДЕРЖ. 1000000 ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ, — 35 РУБ.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ: г. Москва, 100,
Мантулинская ул., 7. Витаминный завод

ВНИМАНИЮ

ИНЖЕНЕРОВ, СТАХАНОВЦЕВ, ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ, РАБОТНИКОВ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ организаций

В книжном магазине Могиза № 6, Москва, Кузнецкий мост, 18, тел. К 2-17-07 и К 4-42-39, а также в других магазинах Могиза

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ

СПРАВОЧНИК АМЕРИКАНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ и ТОРГОВЛИ

Изд. АМТОРГ. 1937 г. Ц. 20 р.

Справочник ставит своей целью ознакомление с новостями и современным состоянием американской промышленности.

НАРКОМПИЩЕПРОМ СССР
ГЛАВПАРФЮМЕР

**ЛУЧШЕЕ
ОСВЕЖАЮЩЕЕ
СРЕДСТВО**

КНИГИ - ПОЧТОЙ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН ЛЕНКУЛЬТТОРГА
ЛЕНИНГРАД, П. С., КИРОВСКИЙ ПР., д. № 6.

высылает наложенным платежом **БЕЗ ЗАДАТКА:**

СЛУЦКИЙ и др. Основы балансового учета. Изд. III-е стер. 1937 г. Ц. 2 р. (пособие по техминимуму).
П. Г. ТАГЕР. Ячейка Керра. 1937 г. Ц. 18 р. в пер.
Полная теория модулирования света для звукового кино и телевидения при помощи явления Керра.

ЖУРНАЛ МОД: Платя сезон 1938 г. Цена 5 р.
ЖУРНАЛ МОД: Модели платья 1938 г. № 2, ц. 15 р.
АЛЬБОМЫ РИСУНКОВ для ВЫШИВАНИЯ: вв. 2, 3 и 4-1937 г. Ц. всех выпусков 4 р. 80 к.
Пересылка и упаковка за счет заказчика.

К сведению врачей и лечебных учреждений

**ХИМИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ ФАБРИКА
„ГАЛЕН-МОСКВА“ ВЫПУСТИЛА В ПРОДАЖУ
СЛЕДУЮЩИЕ ПРЕПАРАТЫ:**

ГИПЕРСОЛ

По проф. **С. Ф. Майкову-Трунечу.** Разр. Наркомздрава № 17054

для лечения артериосклероза, в каких бы областях и органах человеческого организма он ни проявлялся, и при болезнях, связанных с ацидезом крови

ИОД ГИПЕРСОЛ преимущественно назначается артериосклеротикам, страдающим золотухой, поражением лимфатических желез, при хроническом ревматизме, подагре, при оститах и периоститах, спондилоартритах, при гипертонии, для рассасывания хронических инфильтратов и экссудатов, а также при ртутном и свинцовом отравлениях

ГИПЕРСОЛ и ИОД ГИПЕРСОЛ применяются с профилактической целью для предупреждения артериосклероза

**ТРЕБУЙТЕ
ВО ВСЕХ АПТЕКАХ СССР**

При отсутствии в аптеках просьба сообщить Хим. Фарм. Ф-ию „ГАЛЕН“ — Москва, 2, Вышеславцев пер., д. № 6

НОТЫ - ПОЧТОЙ „ЛЕНОКОГИЗА“

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ

ПЕНИЕ С ФОРТЕПЬЯНО

БАЛАКИРЕВ М. Романсы и песни. В сборнике 57 песен. Ц. в перепл. 17 р. 50 к.
ВАРЛАМОВ А. Избранные песни: 1) Красный сарафан, 2) Ах ты, время, времячко, 3) Что мне жить и тужить и другие. Ц. 3 р. 50 к.
ВЕБЕР К. Избранные песни. (Впервые изданы) Ц. 3 р.
ГУРИЛЕВ А. Избранные песни. Вып. II в сборнике 12 песен. Ц. 5 р.
ЧИШКО. Украинские народные песни. В сборнике 5 песен. Ц. 2 р.

Полные оперы для пения с фортепьяно

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ Н. Моцарт и Сальери. Ц. в перепл. 6 р. 50 к.
РИМСКИЙ-КОРСАКОВ Н. «Снегурочка». Ц. в перепл. 25 р.
ЧАЙКОВСКИЙ П. «Евгений Онегин». Ц. в перепл. 15 р. 50 к.
ЧАЙКОВСКИЙ П. «Пиковая Дама». Ц. в перепл. 20 р. 50 к.

Песни народов СССР

ГЛИЭР Р. Отвертки из узбекской музыкальной драмы «Гюльсара», арии, дуэты и хоры с сопровождением ф-но. Ц. 3 р. 20 к.
ЛОБАЧЕВ Г. Туркменские песни для голоса с ф-но. Ц. 4 р.
НЕЧАЕВ В. 10 чувашских народных песен для голоса с ф-но. Ц. 5 р.
ПЕСЕННИК 24 популярные массовые песни на финском языке. Ц. 1 р. 35 к.
Отрывки из узбекской музыкальной драмы «Фархад и Ширин» обр. В. Успенского. Голос с ф-но. Ц. 2 р. 65 к.

ФЕЙНБЕРГ С. Двадцать пять чувашских песен для голоса с ф-но. Ц. в перепл. 6 р.

Книги по музыке

КУЗНЕЦОВ К. Музыкально-исторические портреты. Биографии композиторов. Избранные страницы их творчества. Ц. 4 р.

КИСЕЛЕВ Г. и КУЛАКОВСКИЙ Л. Музыкальная грамота, пособие для музыкальных техникумов и музрабфаков. Ц. 4 р.

СТРУВЕ Б. Пути начального развития юных скрипачей и виолончелистов. Ц. 2 р. 75 к.

Печатается (принимается) предварительные заказы).

АЙЗЕНГАРД-ЭДВАРД ГРИГ. Рассказ о жизни и творчестве великого норвежского композитора. Рассчитана на школьников старшего возраста. Ц. 1 р.

БРУК М. Бизе. Монография — Исследование о Бизе. В книге дана характеристика жизненного и творческого пути композитора. Ц. 5 р. 30 к.

НЕФ К. История западно-европейской музыки. Книга является учебным пособием при начальном изучении истории зап.-европейской музыки. Ц. 8 р.

РОМЭН-РОЛЛАН. Музыканты прошлых дней. Книга содержит: Введение о месте, занимаемом музыкой во всеобщей истории. Первая опера, представленная в Париже. Заметки о Люлли, Глюке, Гретри, Моцарт. Ц. 9 р.

ЧАЙКОВСКИЙ П. Переписка с Юргенсоном. Книга содержит публикуемые впервые материал переписки Чайковского с Юргенсоном. В книге 21 иллюстрация и 320 писем. Ц. 17 р.

**ЗАКАЗЫ ВЫПОЛНЯЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА
ПОЧТОВЫЕ ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ:**

гор. Ленинград, 25, пр. Нахимсона № 18. „НОТЫ - ПОЧТОЙ“ ЛЕНОКОГИЗА

Театрально-Книжный магазин
ВТО. Москва, 9, Советская пл., дом № 2/28. Телефон К-1-76-31.

ПЬЕСЫ, ГРИМ, ПАРИКИ

Большой выбор грима, гримировальных принадлежностей и волосных изделий, а также пьес для КЛУБОВ и ПРОФТЕАТРОВ.

Имеются в неограниченном количестве книжки театральных билетов для КИНО и КЛУБНЫХ ТЕАТРОВ.

ТРЕБУЙТЕ

ПРЕС-КУРАНТЫ

КАТАЛОГИ НА ПЬЕСЫ

НЕ ВЫСЫЛАЮТСЯ

Иногородним заказы высылаются **НЕМЕДЛЕННО** наложенным платежом
К ЗАПРОСАМ ПРИЛАГАЙТЕ 20-копеечную ПОЧТОВУЮ МАРКУ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИН МОСВОЕНТОРГА

высылает почтовыми посылками в любой пункт Союза всем военнослужащим РККА: военным частям, военным клубам, организациям, а также отдельным гражданам

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ГАРМОНИИ ВЕНСКИЕ 2-рядные
4-х план. русского и немецкого строя 23 кл. 12 бас. в футляре . . . 241 — 00
То же кусковых дюр-алюминиевых планках в футляре . . . 325 — 00
6-ти план. 23×12 только русского строя тульской фабрики ДТК . 418 — 60
8-ми план. 23×12 лучших тульских фабрик . . . 483 — 00
6-ти план. 25×25 хроматического строя тульской фабрики ДТК . 525 — 60
БАЯНЫ 3-х рядные. 52×100. Работы кирилловских мастеров . 963—60
БАЯНЫ 3-х рядные. 52×100. Работы тульской фабрики ДТК . 1602—60
Футляры для гармоний . . . 37 р., 45 р.
Все гармонии с плечевыми ремнями.
Балалайки 3-х струнные: 21 р. 70 к., 27 р. 70 к., 34 р., 51 р. 70 к., 62 р., 82 р. 75 к., сольные — 108 р.
Гитары: 37 р. 30 к., 49 р., 62 р., 70 р. 50 к., 101 р. 25 к., 138 р. 25 к., Гавайская — 365 р.
Мандолины: 27 р. 50 к., 32 р., 58 р., 84 р. 50 к., 116 р. 75 к.
Большой выбор домровых, балалаечных, шумовых и смешанных оркестров.

ВНИМАНИЮ ЗАКАЗЧИКОВ
1. Цены указаны со включением всех расходов по упаковке и пересылке. За пересылку в местности 7, 8 и 9 почтового пояса взимается дополнительно 5%. 2. Полную стоимость товара направляйте почтовым переводом по адресу: Москва, ул. Коминтерна, 10/3, ЦУМ Мосвоенторга. 3. Заказ пишите обязательно на обороте почт. перевода. 4. Организация перечисляет деньги на расчетный счет Мосвоенторга 60241 в Краснопресненск. отд. Госбанка, в заказе указывать дату и сумму перечисления и наименования отд. Госбанка, перечислившего деньги. 5. Адрес для отправки посылок указывайте подробно: фамилия, имя и отчество получателя полностью. 6. Налож. платежом товар не высылается. 7. Заказы исполняются в порядке поступления в течение 25 дней по получении заказа и денег.

Адрес: МОСКВА, Центр, ул. Коминтерна, 10/3, ЦУМ МОСВОЕНТОРГА

Дети и их родители

Донек

Цена 50 коп.

